Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-151-217
https://elibrary.ru/XIEQTW

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

А.С. Демин

СЕРИЯ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛИТЕРАТУРНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ XI — НАЧАЛА XVIII ВВ.

Аннотация: Предлагаемая герменевтическая работа состоит из 12 очерков о неизученных литературных особенностях некоторых древнерусских произведений с XI по начало XVIII вв. В первой статье обозреваются предметно-изобразительные мотивы в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Вторая статья раскрывает отношения автора «Сказания о Борисе и Глебе» к князю Борису как к светскому персонажу. Третья — заметка о характере изобразительности «Повести временных лет». Четвертый очерк обращает внимание на древнерусские ассоциации к понятию «восток». В пятой статье рассматривается изображение потустороннего мира в «Хождении Богородицы по мукам» по списку 1602 г. Шестой очерк касается изображения людей в рукописном патериковом сборнике 1628 г. В седьмой статье предпринята попытка на основе поэтики произведения передатировать «Повесть о Тимофее Владимирском» с XV в. на вторую половину XVII в. Восьмая статья анализирует литературную обработку «Сказания о Мамаевом побоище» в списке 1689 г. Девятый очерк повествует о предметно-бытовом фоне старопечатного «Пролога» 1696 г. Десятая заметка посвящена шутовской «Повести о португальском посольстве» начала XVIII в. В одиннадцатой заметке говорится об облике Василия Златовласого в одноименной повести по списку первой половины XVIII в. Завершается данная работа двенадцатой статьей — постановкой проблемы о типологии древнерусских рукописных сборников непостоянного состава с точки зрения поэтики.

Ключевые слова: изобразительность, герменевтика, поэтика, текстология, кодикология.

Anatoly S. Demin

ISSUES ON OLD RUSSIAN LITERARY MONUMENTS OF THE 11TH — THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURIES

Abstract: The hermeneutic work consists of twelve essays on the unexplored literary features of some Old Russian works from the 11th to the beginning of the 18th centuries. The first article reviews the subject-pictorial motifs in the

Sermon on Law and Grace by Metropolitan Hilarion. The second article reveals the relationship of author of the *Tale of Boris and Gleb* to Prince Boris as a secular character. The third is a note on the nature of depiction of the *Tale of Bygone Years*. The fourth essay draws attention to the Old Russian associations to the concept of "East." The fifth article discusses the image of the other world in the *Walking of the Virgin through the Torments* according to the list of 1602. The sixth essay concerns the people's image in the manuscript patericon collection of 1628. In the seventh article, an attempt was made to transfer the *Tale of Timothy of Vladimir* from the 15th century on the basis of work's poetics for the second half of the seventeenth century. The eighth article analyzes the literary processing of the *Tale of the Battle of Mamaev* in the list of 1689. The ninth essay tells about the subject-everyday background of the early printed *Prologue* of 1696. The tenth note examines the clownish *Tale of the Portuguese Embassy* of the early 18th century. The eleventh note tells about the appearance of Vasily the Golden-haired in the story of the same name according to the list of the first half of the 18th century. The work ends with the twelfth article — the formulation of the problem of the typology of Old Russian manuscript collections of non-permanent composition from the point of poetics' view.

Keywords: figurativeness, hermeneutics, poetics, textology, codicology.

1. Предметные мотивы в «Слове о Законе и Благодати» Илариона

На поэтику «Слова о Законе о Благодати» митрополита Илариона после работ Д.С. Лихачева и Р.О. Якобсона исследователи стали обращать внимание почти в обязательном порядке. Поле для наблюдений, особенно о риторике Илариона, оказалось очень широким. Однако, помимо риторики, в «Слове» существует еще одна литературная сфера. Это — предметные мотивы, т. е. упоминания предметов и предметных действий.

Конечно, большинству предметных упоминаний у ученого книжника Илариона можно найти источники и параллели в гимнографии, «словах», Библии и иных церковных произведениях XI в. (кстати, такая огромная работа еще не проделана). Большинство высказываний Илариона, упоминавшие предметные объекты или действия, имели переносный, символический смысл, но определенные предметные оттенки в подобных высказываниях все-таки сохранялись у Илариона, на что указывает контекст его высказываний.

Нас интересуют предметные мотивы в тексте «Слова о Законе и Благодати» независимо от того, заимствованы они или оригинальны,

сосредоточенность Илариона на определенных предметных мотивах. Наблюдения предпринимаем по словосочетаниям в тексте «Слова» в старейшем его списке середины XV в. (ГИМ. Синод. собр. № 591), в последовательности упоминаемых предметных мотивов.

Начнем наблюдения с «пространственных» мотивов. Мотив «одевания» был относительно распространенным в «Слове». Так, в начале «Слова» Иларион отметил, что Христос «*въ плоть одевься*, приде» [14, с. 13, л. 168б]. Эта плоть — реальное человеческое тело: «Къ живущии бо *на земли человекомъ*, въ плоть одевься, *приде*».

Еще раз Иларион реально «одел» Христа, который «яко человекъ, *повиться въ пелены*» [14, с. 20, л. 176б].

«Одевал» Иларион и князя Владимира: «*съвлече* же ся убо каганъ нашь <…> съ *ризами* ветъхааго человека <…> и вълезе въ святую *купель* <…> воды <…> въ Христа *облечеся*, и изиде от купели, *белобразуяся*» [14, с. 27–28, л. 186а]. В этой фразе упоминание «одевательных» действий и реальной купели с водой указывало на присутствие предметного оттенка «одевания» Владимира во что-то белое.

Далее Иларион «нарядил» Владимира совсем роскошно: «ты правдою бе *облеченъ*, крепостию *препоясанъ*, истиною *обутъ*, съмысломъ *венчанъ*, и милостынею, яко *гривною* и утварью златою, *красуяся*» [14, с. 34, л. 194а]. Во фразе предметно-«одевательны» все действия и упоминание гривны в конце перечисления. Иларион неотчетливо обозначил внешний представительный облик князя.

К прочим людям Иларион тоже применил мотив «одевания»: «купель пакы порождениа сыны свои въ нетление *облачить*» [14, с. 19, л. 175а], «нагы *одевая*» [14, с. 31, л. 189б]; «нагыимъ *одение*» [14, с. 34, л. 194а].

Наконец, у Илариона были «одеты» и церкви: «епископи сташа пред святыимъ олтаремь <…> украсиша и въ лепоту *одеша* святыа церкви» [14, с. 28–29, л. 187а].

Даже Киева коснулся мотив «одевания»: «градъ твои Кыевъ величьствомъ, яко *венцемь, обложилъ*» [14, с. 33, л. 192а].

Повтор мотива «одевания» вносил в «Слово» ощущение красоты и благополучия.

Следующим пространственным мотивом в «Слове» можно считать **мотив «входа»** во что-то материальное внутрь. Например, Христос «сниде съ небесе, *въ утробу девици* въходя; приатъ же и̓ девица

<…> *въ кущу плътяную* не болевьши» [14, с. 15, л. 171а]. Предполагаю, что здесь Иларион создал объемный образ женской «утробы», сопоставив ее с хижиной, куда входят свободно. Продолжением этого образа служила фраза: Христос «*утробу* матерьню *растяаше*» [14, с. 20, л. 176б] — растягивал «утробу».

К самому же Христу в «Слове» относился предметный мотив «входа» во что-то: «*обнажився, вълезе въ воду*» [14, с. 20, л. 176б–177а].

Далее в «Слове» мы встречаем пространственный **мотив покрытия** чем-то чего-то: «благодать *всю землю* об[ъ]ятъ и, яко *вода морьскаа*, *покры* ю» [14, с. 18, л. 174а]; «еуагельскыи же *источникъ наводнився и всю землю покрывъ* и до насъ *разлиася*» [14, с. 23, л. 180б]. Встречается еще обозначение покрытия кого-то: «ты бе бескровныимъ *покровъ*» [14, с. 34, л. 194б].

Прочие пространственные мотивы в «Слове» были довольно разнообразны. Таков **мотив «вместительности»**. Вместительным мыслились крылья наседки: «*събираеть* кокошь птенце *под криле* свои» [14, с. 28, л. 179а]. Вместительны были и церкви: «*церкви* люди *исполнены*» [14, с. 27, л. 185б]; «вси людие *исполнеше* святыа *церкви*» [14, с. 29, л. 187а].

Города представали в «Слове» территориально обширными: «апостольскаа труба и еуа[г]льскыи громъ *вси грады огласи*» [14, с. 29, л. 187а]; «*град* иконами святыихъ *освещаемь* <…> и тимианомъ *обухаемь* <…> и пении святыими *оглашаемь*» [14, с. 33–34, л. 193а]. Благодать пространна тоже: «человечьство <…> *въ благодети пространо ходить*» [14, с. 17, л. 173а].

Мы обозрели не все пространственные мотивы в «Слове». Наличие разных пространственных мотивов объясняется тем, что Иларион писал о волнующих пространственных же событиях: о распространении христианства в мире и по Русской земле.

Добавим, что Иларион был не чужд эстетических мотивов. Вот **мотив «отдохновения»** — лирический эпизод из сочетания деталей в «Слове», изображавших обстановку вокруг Авраама: «стару сущу Аврааму <…> явися Богъ Аврааму, седящу ему пред дверьми куще его въ полудне у дуба» [14, с. 15, л. 171а]. Но в Библии этот эпизод был изложен несколько иначе: «Явижеся ему Богъ у Маврия <…> седяще ему пред дверми его въ полудне» [11, л. 7. Быт. 18: 1]. Сравнительно с библейским текстом Иларион описал более *уютную* обстанов-

ку вокруг Авраама, отдыхающего в полдень: заменил храм на кущу и прибавил дуб, у которого теперь сидел Авраам, и назвал Авраама старым. Тему отдыха, покоя, сна Иларион неоднократно обозначал в «Слове» прямо и косвенно: «странныимъ *покоище*» [14, с. 34, л. 194б]; «человекъ въ корабли *съпааше*» [14, с. 20, л. 177а]; «церкви <…> идеже <…> твое *тело* ныне *лежит*» — «неси бо умерлъ, нъ *спиши*» [14, с. 32, л. 191б, 192б]; «мнози <…> *възлягуть* <…> въ царствии небеснемь» [14, с. 23, л. 179б].

Кроме того, в «Слове» заметен эстетический **мотив «вкушения»** чего-то хорошего: «*насыштьшемся сладости* книжныа» [14, с. 14, л. 169б]; «матерьне *млеко приатъ*» [14, с. 20, л. 176б]; «Христове пречистыя *крове въкушающе*, съпасаемся» [14, с. 24, л. 181а]; «*пиемь источьникъ* нетлениа» [14, с. 25, л. 182б]; «*испи* <…> жизни *сладкую* чашу» [14, с. 29, л. 188а]; «зрениа *сладкааго* лица его *насыщаяся*» [14, с. 34–35, л. 194б]; «*пиръ* великъ *тельцемь* упитеныим» [14, с. 16, л. 171б]; «жадныа и алъчныа *насыщая*» [14, с. 31, л. 189б]; «алчьныимъ *кърмитель*, ты бе жаждющиимъ утробе *ухлаждение*» [14, с. 34, л. 194а] и пр. Этот мотив тоже был связан с отдохновением=«вкушением» (или предвкушением) христианства.

Предметные мотивы не выделялись настойчивой частотой в тексте «Слова» и обычно обозначались очень кратко. Объяснение простое: у ритора Илариона предметность являлась лишь одним, притом не главным, средством изложения, наряду с другими средствами выразительности, используемыми в гораздо большей степени. Как можно предположить, «Слово о Законе и Благодати» с литературной точки зрения являлось богословским трактатом, затем приспособленным к похвальной речи.

Остается последний вопрос: почему у Илариона в единичных случаях все-таки использовались выразительные предметные высказывания? Скорее всего, это получалось тогда, когда Иларион касался телесно-интимных тем: плоти и пеленок Христа, утробы Богородицы, уюта старика Авраама, «сна» Владимира.

Подтверждают это предположение молитва и исповедание веры Илариона, переписанные вслед за «Словом о Законе и Благодати» в том же Синодальном списке. И молитва, и исповедание лишены предметности изложения, но когда Иларион касался интимной телесной темы, то вдруг выражался предметно. В молитве: «аще ли съ

яростию призриши, ищезнемь, *яко утреняя роса*» [14, с. 36–37, л. 197а]; «не трьпить наше естьство дълго носити гнева твоего, *яко стеблие — огня*» [14, с. 38, л. 198б]. В исповедании: «*въселися въ утробу* девице Марии» [14, с. 40, л. 201а]; «*младеньца на лоне* еи зрю» [14, с. 41, л. 202б].

К телесной теме Иларион был явно неравнодушен. Недаром в «Слове» у него упоминались «ложесна Саррина» [14, с. 15, л. 171а]; «человеци плотьнии» [14, с. 19, л. 175б], «похоти плотьскы» [14, с. 19, л. 175б]; «всяка плоть» [14, с. 25, л. 183б]; «мужьственое <…> тело» Владимира [14, с. 32, л. 191б] и пр., а также всяческие телесные болезни.

Каково место «Слова о Законе и Благодати» Илариона в истории литературы по степени предметной изобразительности? Место даже в XI в. очень скромное, и вот почему. Древнерусская литература как письменное творчество началась с Евангелия, с Библии. Иларион в своем «Слове» лишь напоминал о библейских сюжетах, но не излагал их. Отсюда — отрывочность предметных мотивов в «Слове». Как и следовало ожидать, Иларион — не рассказчик, а неравнодушный истолкователь, кажется, накануне появления толковых Евангелий на Руси.

2. Князь Борис как светский персонаж в «Сказании о Борисе и Глебе»

Есть ли какие-то основания предполагать, что анонимный автор «Сказания о Борисе и Глебе» изобразил Бориса не только как святого, но и как лицо светское? Вот некоторые подтверждения на этот счет.

В «Сказании» не указано никаких признаков исконной святости ни у Бориса, ни у Глеба. А склонность их к рыданиям отличается любопытной телесной особенностью. В «Сказании» автор необычайно часто упоминал тело Бориса, а также тела других персонажей, притом состояние тела или позу иногда ставил в зависимость от душевного состояния героя.

Например, тело Бориса слабело от горя: «Борисъ начатъ телъмь утьрпывати, и лице его вьсе слезъ испълнися, и сльзами разливаяся, и не могый глаголати» [8, с. 29]; тело становилось мокрым от слез: «помышляше <…> о доброте телесе своего, и сльзами разливаашеся вьсь» [8, с. 31]. То же происходило с Глебом: «Вьсь сльзами разливаяся, а телѣмъ утьрпая» [8, с. 41].

От горя осунулось и лицо: Борис «възьревъ <…> умиленама очима и спадъшемъ лицьмь и вьсь сльзами облиявъся» [8, с. 36]. И напротив, радость укрепляет тело: Борис в начале жизни «веселъ лицьмь <…> крепъкъ телъмь» [8, с. 51].

И у других чувствительных персонажей «Сказания» прослеживается та же связь эмоций и тела. Например, у потрясенных гребцов в кораблике Глеба: «и абие вьсѣмъ весла отъ руку испадоша, и вьси отъ страха омьртвеша» [8, с. 40].

Правда, вряд ли подобная связь являлась у автора «Сказания» отчетливо осознанным литературным приемом в составе потока его экспрессивного и эстетически изобразительного повествования. Однако данная изобразительная особенность полностью отсутствовала у составителей «Чтения о Борисе и Глебе» и летописной статьи «О убиеньи Борисове». Чем же была навеяна эта повествовательная особенность именно у автора «Сказания»?

Нечто похожее находим в начальной, эпической части «Повести временных лет». Так, поза князя Олега связана с его настроением: Олег «посмеяся <…> и въступи ногою на лобъ» — на череп коня [29, стб. 39, под 912 г.]. Олег почувствовал себя победителем смерти и «стал на костях» в позе победителя. Или: деревляне «седяху въ перегъбех (*подбоченившись*) <…> гордящеся» [29, стб. 56, под 945 г.] — поза от гордости. Далее: княгиня Ольга «поклонивше главу, стояше <…> внимающи ученья» [29, стб. 61, под 955 г.] — поза внимательной слушательницы. Еще — болгарин в мечети: «глядить семо и онамо, яко бешенъ» [29, стб. 108, под 987 г.]. Наконец, юноша-кожемяка «разгневавъся <…> преторже череви рукама» [29, стб. 123, под 992 г.] — так разозлился, что руками разорвал бычью кожу.

Интересно, что все приведенные из летописи примеры воздействия настроения персонажа на его тело относились только к светским персонажам, притом самым древним. Возможно, древней была и эта манера описания поведения нецерковных личностей в литературе. Недаром в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия можно найти аналогии. Например, упоминание, перекликающееся с изображением гребцов в «Сказании о Борисе и Глебе». У Флавия воинов «обья страх и ужас. И противу видению окаменишася» [18, с. 413].

Показательно также, что даже в «Житии Феодосия Печерского» влияние эмоции на тело отмечено только у сугубо светской деятель-

ницы — у буйной матери Феодосия: «ей отъ великия ярости разгневати ся» и стала «бити» сына, «отъ ярости же и гнева мати его <…> своима ногама пъхашети и́» [44, с. 76]; больше того: «плакааше ся <…> люте биющи въ пърси своя» [44, с. 80–81].

Благодаря приведенным аналогиям можно предположить, что для автора «Сказания» Борис и Глеб все-таки оставались светскими лицами, несмотря на наступившую их святость.

Это предположение подтверждается рядом малозаметных деталей в «Сказании», которые отсутствуют в остальных произведениях о Борисе и Глебе. Посмотрим по ходу «Сказания». Во-первых, оба брата ссылаются в «Сказании» не на христианское учение, а на отцовское только. Борис вспоминает об отце: «отче <…> къде ли насыщюся таковааго благааго учения и наказания разума твоего?» [8, с. 29]. То же делает и Глеб: «азъ <…> очюженый <…> отъ отца моего мъногааго разума» [8, с. 40].

Во-вторых, все сопоставления Бориса и Глеба с их библейскими и житийными предшественниками в «Сказании» — с Никитой, Варварой, Дмитрием Солунским, а особенно с Иосифом, Вениамином, Вячеславом — относятся к лицам светским.

В-третьих, персонажи «Сказания» упоминают именно светских лиц — князей. Так, убийцы Бориса стонут: «Увы <…> къняже нашь милый» [8, с. 36]. А Глеб обращается к своим убийцам: «въ руку <…> есмь <…> вашему кънязю» [8, с. 41]. Причем отношение окружающих к князьям определяется как светская «служба». У Бориса отмечены «попинъ его и отрокъ, иже *служаще* ему» [8, с. 34], а к посланным к нему убийцам Борис велит: «съконьчайте *службу* вашю» [8, с. 36].

Наконец, в-четвертых, и посмертно Борис и Глеб сохраняют в «Сказании» важную светскую обязанность — воинскую. Еще при жизни Борис «светяся цесарьскы <…> въ ратѣх хъбъръ» [8, с. 52]. А после гибели Бориса и Глеба автор «Сказания» даже усилил их княжескую функцию: «вы <…> князи къняземъ <…>. Вы <…> намъ оружие, земля Русьскыя <…> меча обоюду остра» [8, с. 49].

Перечисленных светских мотивов нет в остальных памятниках о Борисе и Глебе. Оба князя в «Сказании» в некотором роде стали святыми поневоле.

Откуда светские детали проникли в «Сказание о Борисе и Глебе»? Это неизвестно. Пока нас может успокоить совершенно фантастиче-

ское и ничем не доказуемое предположение. Вспомним о гипотезе Лудольфа Мюллера, о том, что после политического убийства Бориса и Глеба первоначально была составлена политическая же «сага» о таком злодеянии. Возможно, отголоски этой «саги» или какой-то иной устной легенды сохранились в «Сказании о Борисе и Глебе». Отсюда — необычайное изящество «Сказания» и его героев.

Такова крошечная догадка в дополнение к трудам исследователей борисоглебского цикла.

3. Замечание об изобразительности «Повести временных лет»

При всем изобилии серьезнейших исследований, посвященных «Повести временных лет», литературно-художественные черты летописи изучены еще не полностью, хотя основательное и вдохновляющее начало этому стилистическому подходу положено трудами И.П. Еремина и Д.С. Лихачева.

Начнем наблюдения с пространственно-изобразительных черт летописного повествования с довольно редких картинок.

Ощущение **большого пространства** событий летописец передавал довольно скупо. Например, флот князя Игоря направился на Византию: «Се иде Русь, бе-щисла корабль, *покрыли* суть море корабли» [29, стб. 45, под 944 г.]. Нет сомнений, что у летописца море ассоциировалось с большим пространством, хотя подтвердить это текстом «Повести временных лет» не удается. Но ведь понятие «море» логически исконно обозначало обширное водное пространство, а летописец материализовал это понятие гиперболичной предметной деталью: море сплошь покрыли бесчисленные корабли. Кроме того, слово «покрыти» у летописца и передавало ощущение большого пространства. Ср.: «*покрыша* поле Летьское обои от множьства вои» [29, стб. 144, под 1019 г.]; «придоша прузи (*саранча*) <…> и *покрыша* землю» [29, стб. 229, под 1095 г.]. Море и флот на нем представлялись летописцу пространственно протяженными. А это уже явление художественное.

Другим способом изображения большого пространства у летописца являлось обозначение «обозрения» крупного объекта. Например: «поидоша полки, аки борове, и *не бе презрети* ихъ» [29, стб. 278, под 1103 г.]. Бор (а тем более многие боры вместе) ассоциировался у летописца с обширной площадью. Ср.: «лесъ и боръ *великъ*» [29,

стб. 8]; «бе бо ту лесъ *великъ*» [29, стб. 156, под 1051 г.]. Сравнение с обозримостью боров еще отчетливей передавало ощущение великой простертости войска, притом половецкого.

В каких обстоятельствах подключалось пространственное воображение летописца? Думается, тогда, когда он понимал резкую необычность или страшность описываемых событий. Так, по поводу обширности Летьского поля, где сошлись войска, летописец прямо отметил необычность события: «бысть сеча зла, яко же не была в Руси» [29, стб. 144, под 1019 г.]. По поводу обширного нашествия саранчи летописец признался: «бе видети страшно» [29, стб. 29, под 1095 г.]. Необычность обширного флота Игоря становилась понятной из предыдущего летописного изложения: у предшественников Игоря — у Аскольда и Дира имелось 200 кораблей [29, стб. 21, под 866 г.]; Олег отправил на греков уже 2000 кораблей [29, стб. 29, под 907 г.]; Игорь первоначально напал на греков с 10 000 кораблями [29, стб. 44, под 941 г.], а вторично его флот уже не поддавался счету — «бе-щисла корабль» [29, стб. 45, под 944 г.]. Наконец, необычность необозримого, но какого-то зыбкого пространства, занятого половецкими полками, летописец объяснил последующим изложением. Половцы почти не двигались в ужасе: «страх нападе на ня и трепетъ <…> и дремаху сами и конем ихъ не бе спеха в ногах» [29, стб. 278, под 1107 г.].

Однако все же чаще и охотнее летописец изображал **ограниченное** или даже **тесное** пространство событий.

Вот люди или некий народ, плотно изолированный горами на небольшом пространстве: «*сступишася* о них горы великия», «суть горы заидуче в луку моря, им же высота, ако до небесе» [29, стб. 235–236, под 1096 г.]. Пространство, на котором собралось множество людей («в горах тех кличъ великъ и говоръ»), действительно тесноватое, ведь глагол «сступитися» ассоциировался у летописца именно с тесным столкновением двух объектов на одном месте: «*ссупишася* на месте» [29, стб. 142, под 1016 г.; стб. 151, под 1036 г.]; «*сступишася* обои <…> за руки емлюче» [29, стб. 144, под 1019 г.] и др. Кроме того, тесно, раз люди «секуть гору, хотяще выцсечися», тем более что вне тех — простор: «есть же путь до горъ тех непроходим пропастьми, снегом и лесом».

В роли гораздо более тесного места у летописца выступал, например, мост: «бяше чересъ гроблю мостъ <…> *теснячеся*, другъ друга *пихаху* въ гроблю <…> падаху людье мнози» [29, с. 74, под 976 г.]. «Пихание» и

«толкание» у летописца передавали ощущение сильной тесноты: «игрища утолочена, и людии много множьство на них, яко *упихати* начнуть другъ друга» [29, стб. 170, под 1068 г.]; «бежаще <…> у гору и *спихаху* другъ друга» [29, стб. 271, под 1097 г.]. А на мосту тем более теснились.

Наконец, традиционно тесной изобразил летописец подземную келью монаха Исакия, который «затворися в печере <…> въ *кельици* мале, яко четырь лакоть <…> и подаваше ему *оконцемъ*, яко ся вместяше рука <…> ни на ребрехъ *не легавъ*, но седя <…> седяше на седале своем» [29, стб. 192, под 1074 г.] — даже во весь рост вытянуться нельзя (это деталь патериковая). Уменьшительными существительными летописец подчеркивал малость кельи. Ср. о других таких кельях: «ископа *печерку* малу, двусажену <…> си *печерка* тако оста» [29, стб. 156, под 1051 г.]; «вшедъ в печеру, и затворяше двери печере <…> *оконцемъ* малым беседоваше» [29, стб. 185, под 1074 г.]. Но кельица Исакия особенно тесная.

И на этот раз к пространственной выразительности повествования подтолкнула летописца опять-таки необычность или опасность описываемых событий. Люди, пытающиеся высечитися из гор: «дивьно <…> чюдо» [29, стб. 235, под 1096 г.], но чудо опасное: «людье заклепении» — это «сквернии языки»; если вырвутся, то «осквернять землю» [29, стб. 235–236, под 1096 г.].

В других случаях тоже не трудно обнаружить ту же зависимость изобразительности от необычности или возмутительности событий для летописца.

Больше того, необычные явления и обстоятельства побуждали летописца к созданию световых и «физиологических» картинок и к выражению лирического «умиления».

Летописец не занимался художественным творчеством. Выразительные места в летописи были кратки и лаконичны. Летописец отмечал главное, и только. Таков был экономный летописный метод, не исключавший минимальной изобразительности повествования.

4. Древнерусские ассоциации к понятию «восток» (по летописям и воинским повестям XII — начала XVI вв.)

В данном обзоре речь пойдет об отношении древнерусских книжников к востоку как стороне света на земле и на небе. Не станем за-

ниматься уточнением географического смысла обозначений сторон света в Древней Руси. Библейское понимание востока не затрагиваем: оно иное, чем в летописях. Рассмотрим, какой дополнительный литературный смысл сопровождал упоминания востока в рассказах о народах, странах и знамениях вокруг Руси и над Русью.

Начнем с летописей. В них восток упоминался довольно редко, так как летописи предпочитали ориентироваться не по сторонам света, а по названиям соседних городов, стран, рек и пр. А если летописцы иногда называли восток, то не с ясной смысловой добавкой. Тем не менее кое-что можно заметить, обозревая памятник за памятником по хронологии летописей и дат.

Итак, **«Повесть временных лет»** начала XII в. в составе «Лаврентьевской летописи» (по списку 1377 г. РНБ. F.n.IV. № 2). Здесь преобладали упоминания только земного востока. В географическом вступлении летописи **восток** мыслился как конец дальнего маршрута из Руси: «Волга, яже *идеть на востокъ*» [29, стб. 4]; «*потече* Волга *на въстокъ*» <…> *из Руси* можеть *ити* по Волзе <…> *на въстокъ доити* въ жребии Симовъ» [29, стб. 7].

Далее в летописи **с востока** приходили только дальние же враги или насильники: «угри <…> аки се половци, пришедъ *от востока* <…> и почаша воевати» [29, стб. 25, под 898 г.]; «пришедъшемъ воемъ *от въстока* <…> съ макидоны <…> съ фраки <…> обидоша русь около » [29, стб. 44, под 941 г.]; «безбожнии сынове Измаилеви <…> ищъли бо суть от пустыня Нитривьскыя межю *встокомь* и севером» [29, стб. 234, под 1096 г.]. Это всё реальные или легендарные факты. Но если летописец отмечал что-то плохое у пришедших издалека с востока, то тогда тень падала и на восток, — так по крайней мере можно предположить. Далекие страны и народы на востоке ощущались летописцами как источник опасности.

Однако не один такой далекий восток оказывался угрожающим в летописи. Дальний **север** для Руси был не менее опасен и тоже представлялся зловещим: «на *полунощных* странах <…> секуть гору, хотяще высечися <…> человекы нечистыя <…> умножаться и осквернять землю <…> си сквернии языкы, яже суть в горах *полунощных*» [29, стб. 235–236, под 1096 г.].

Что же касается знамений, то тут именно **запад** неба в летописи выступал угрожающей стороной света: «бысть знаменье *на западе*:

звезда превелика, луче имуще, аки кровавы <…>. Се же проявляше не на добро <…> нашествие поганых на Руськую землю <…> проявляющи крови пролитье» [29, стб. 164, под 1065 г.]. Еще: «явися звезда велика *на западе* купиным (*копейным*) образом» [29, стб. 32, под 911 г.] — вскоре погиб киевский князь Олег Вещий.

Впрочем, сразу все четыре стороны света на небе могли в летописи выступить пугающим поясом: «бысть знаменье на небеси <…>. Акы пожарная зара *от въстока, и уга, и запада, и севера* <…>. Сия видяще знаменья благовернии черньци со въздыханьем моляхуся» [29, стб. 276, под 1102 г.].

В общем, в «Повести временных лет» самыми вредными представлялись для Руси восток реальной земли и запад неба.

Манеру обозначать стороны света и отношение к ним создатели «Повести временных лет», возможно, могли заимствовать из «Александрии» хронографической. Так, в первой и второй редакциях «Александрии» **восток** тоже являлся безусловно враждебным: «великъ бо облакъ противных прилежить на нас <…> *на въсточнеи стране* седящихъ языкъ великых» [16, с. 6], «отрокъ еллинъ *до въстока* проидеть, брани творя» [16, с. 12]; «поимъ же Александръ вся воя своя, поиде *ко въстоку* и пришедшу ему *на въстокы*, обрете там нечистыя языкы <…> хотяще битися с нами» [16, с. 185].

Последующие летописи продолжили эту традицию, начатую «Повестью временных лет». Так, в **«Ипатьевской летописи»** конца XIII — начала XIV в. (по списку первой четверти XV в. БАН. 16.4.4) небесные **восток** и **запад** если упоминались, то в отрицательном контексте: «Явися звезда привелика *на западе*, испущающи луча» [30, стб. 317, под 1145 г.]; «бысть знамение в луне страшно и дивно: идяше бо луна через все небо *от въстока до запада*, изменяючи образы своа <…>. Не благо есть сяково знамение се, прообразуеть княжню смерть, еже бысть» [30, стб. 516, под 1161 г.].

События татаро-монгольского нашествия, разумеется, подтвердили отрицательное отношение летописцев к **востоку**. В **«Лаврентьевской летописи»** (по списку 1377 г.) летописцы повторяли: «татары <…> попленять всю землю *от встока* <…> придоша близь Руси» [29, стб. 445–446, под 1223 г.]; «придоша *от восточные страны* в Болгарьскую землю безбожнии татари <…> избиша <…> пожгоша <…> плениша» [29, стб. 460, под 1236 г.]; «и придоша *от всточные стра-*

ны на Рязаньскую землю <…> безбожнии татари <…> воевати» [29, стб. 460, под 1237 г.] и т. д.

Одновременно остался тревожным небесный **запад**, как бы предупреждавший о неприятностях с востока: «Явися звезда *на западе* <…> явися луча та от нея *ко встоку*» [29, стб. 447, под 1223 г.]. Не обошлось и от угрозы с **севера** неба: «оболоци малии частии *с полунощныа страны* борзо бежаху на солнце <…> бысть тако и того грозни в Кыеве» [29, стб. 455, под 1230 г.]. Стороны света (кроме юга) посуровели в «Лаврентьевской летописи», особенно восток, что вполне объяснимо.

Сугубо местные **«Новгородская первая летопись»** XII–XIII вв. (по списку XIII–XVI в. ГИМ. Синод. собр. № 786) и **«Галицко-Волынская летопись»** XIII в. (по списку XV в. БАН. 16.4.4) были скупы на обозначения сторон света. Ограничимся одним примером из «Галицко-Волынской летописи», где «виноватым» опять оказался **восток**: «Явися звезда на *востоце* хвостатая образомъ страшнымъ, испущающе от себя лучи великы <…>. От видения же сея звезды страхъ обья вся человекы и ужасть» [23, с. 360, под 1265 г.].

Перейдем к более поздним летописям. Составители **«Рогожского летописца»** первой половины XV в. (по списку середины XV в. РГБ. Рогож. собр. № 253) любили отмечать разные небесные знамения. Сначала обращали внимание на что-то настораживавшее на **западе** неба: «явися звезда *на западе* <…> хвостъ к полуденнои стране» [35, стб. 33, под 1266 г.]; «бысть знамение на небеси: облакъ огненъ *на западныхъ странахъ*, и на всю землю идяху искры» [35, стб. 34, под 1280 г.]; «солнце погыбе синю *отъ запада* приходящу» [35, стб. 82, под 1362 г.]. Это было во время татаро-монгольского ига.

Но потом в «Рогожском летописце», во время открытой войны против Орды, возобладал в знамениях роковой **восток**: «бысть знамение на небеси: луна помрачися и в кровь преложися <…> а помрачися *со въстока*» [35, стб. 136, под 1378 г.]; «являшеся некое знамение на небеси *на востоце* <…> аки столпъ огненъ и звезда копиинымъ образом. Се же проявляше на Русскую землю зло пришествие Тохтамышево и горкое поганыхъ нахожение» [35, стб. 143, под 1381 г.].

Из прочих летописей XV в. нечто новое в отношении к сторонам света содержит лишь несколько памятников. В **«Новгородской четвертой летописи»** старшей редакции (по списку последней четверти XV в. РНБ. Собр. Погодина. № 2035) объединенные **восток** и **запад**

вдвоем вместе были ответственны за неприятности: «ужасъ събраннымъ чадомъ изъдалеча *отъ востокъ* и *западъ*» [31, с. 79, под 1380 г.]; «*на западе* звезда немала, аки копейнымъ образомъ <…> *на востоце* восходящи *и на западе* летнемъ являшеся <…>. Се же является грехъ ради нашихъ» [31, с. 105, под 1402 г.].

В **«Софийской первой летописи»** (по списку конца XV — начала XVI в. РНБ. F. IV. № 298) и **восток**, и **запад** вслед друг за другом оказались вредоносными: «бысть чюдо страшно во граде Москве месяца августа 5 день <…> внезапу прииде туча *со въстока* на градъ и бысть громъ страшенъ <…> умножению грехъ хрестияньскыхъ <…>. Того же месяца августа 13 день прииде туча *отъ западныя* страны на градъ Москву и ветръ великъ зело» [32, с. 270, под 1450 г.].

В **«Тверской летописи»**, правда, уже 1534 г. (по списку начала XVII в. РНБ. Собр. Погодина. № 970/1414) вдруг прибавилась еще одна вредоносная сторона света — **юг**: «летяше черви бели, яко мотиль, то же *отъ полудне* гряде <…> и пояде и посуши древо елное <…> умножишася беззакониа наша» [34, стб. 479–480, под 1408 г.]. Прибавка оказалась не случайной. В конце XV в. в число опасных попал и **юг**. В **«Московском летописном своде»** конца XV в. (по списку первой половины XVI в. ГИМ. Собр. Уварова. № 416б) читаем: «взыде туча велми грозна *с полуденьа* <…> со страшною бурею <…>. Сие бо наказание бысть <…> да престали от зол наших» [37, с. 276, под 1460 г.]. Наконец, в **«Типографской летописи»** конца XV — начала XVI в. (по списку первой половины XVI в. ГИМ. Синод. собр. № 789) находим еще один факт опасности **юга**: «явися звезда на небеси *на полуденьней стране*» [36, с. 192, под 1472 г.].

В итоге по летописям можно заметить, что в течение многих веков далекие восток и запад, как земной, так и небесный, воспринимались летописцами в виде носителей опасности. А в XV в. еще прибавился и опасный юг. Не связано ли было все это отношение к сторонам света с военно-политической обстановкой на Руси? Дикое поле и Крым.

Однако приходится признать, что наши пояснения о смысле упоминаний сторон света в летописях все-таки являются предположениями. Ведь обобщающих суждений на этот счет сами летописцы не оставили. С уверенностью можно говорить, что летописцы, скорее всего, отмечали стороны света лишь при событиях, издалека являвшихся, но, возможно, овевали своими политическими настроени-

ями эти упоминания сторон света. Недаром в **«Софийской второй летописи»** начала XVI в. (по списку первой четверти XVI в. РГАДА. МГАМИД. № 371) в **«Повести о Темир-Аксаке»** под 1395 г. упоминалась далекость **востока**: «Темиръ Аксакова татарска, его же иногда въ повестехъ слышахомъ *далече* суща *подъ востоки* солнечными» [33, с. 126].

Теперь рассмотрим воинские повести, которые обычно включались в летописи. В **«Повести о житии Александра Невского»** XIII в. (по списку 1480-х гг. ГИМ. Синод. собр. № 154) опасными по отношению к Руси выступили, как и следовало ожидать, **восток**, **запад** и **юг**: «бе царь силенъ *на въсточней стране*», он «сына своего посла **на западныя страны** и вся полъкы своя» [10, с. 179 и 177], «некто силенъ *от западныя страны* <…> приде» [10, с. 161]; «приидоша паки *от западныя* страны» [10, с. 169]; «король части римскыя *от полунощныя страны* <…> помысли <…> “Пойду и пленю землю Александрову”» [10, с. 162].

Напротив, в списках XV–XVII вв. **«Задонщины»** наблюдается какая-то необычная мешанина в осмыслении сторон света. Русь вдруг оказалась **северной** страной: «Поидемь <…> *в полуночную страну* жребии Афетову сына Ноева <…>. Тогда, аки орли, слетошася со всех *полунощныя страны*» [21, с. 89. Список 1470-х — 1480-х гг. РНБ. Кир.-Бел. собр. № 9/1086]. Солнце в списках то светит на востоке, то сияет на восток — непонятно: восток дружественным или враждебным мыслился в «Задонщине». Смешению точек зрения на стороны света, вероятно, способствовала идея «Задонщины» о мировом значении Куликовской битвы: тогда Русь в мире действительно являлась северной страной, а солнце для Руси и сияло на востоке, и указывало русскому войску путь на восток.

Мешанина точек зрения на стороны света преследовала и иные рассказы о Куликовской битве. Так, в **«Сказании о Мамаевом побоище»** в Основной редакции (по списку второй четверти XVI в. РНБ. О.IV. № 22) угрожающим представлялся **юг**, а страдающим — **запад**: княжеские дети «егда поразить их ясное солнце *съ юга* или ветръ повееть противу *запада* — обоего не могуть еще тръпети» [39, с. 33]. То внезапно юг становился спасительным: «*От полуденныя* же *страны* придоша два юноши, имуща на себе светлыи багряница <…> и всех изсекоша» пришедших с востока [39, с. 40–41]; «духу *южну* по-

тянувшу съзади нам <…> сила бо святаго духа помогаеть нам« [39, с. 44]. То **восток** оказался под угрозой: «земля <…> грозу велику поравающи *на встокъ* нолны до моря» [39, с. 41]. Реальная география уже мешала географии мифической. Но в общем отовсюду Руси грозила опасность. Так и жили с этим ощущением из века в век.

5. «Хождение Богородицы по мукам» в списке 1602 г. (изображение потустороннего мира)

Изобразительность этого апокрифа почти что не изучена. Обратимся к полному тексту «Хождения Богородицы по мукам» по списку 1602 г. (РНБ. Q. XVII, 82. Л. 45–57). Речь пойдет о творчестве некоего переводчика XII в. — ведь список 1602 г. очень близкому к списку XII–XIII вв. (РГБ. Троицк. собр. № 12 [46]), но дефектному.

Какая-то крестообразная фигура вырисовывается в следовании Богородицы по аду, хотя мотив этот не был главным или хотя бы отчетливым. Сначала в произведении открылся, так сказать, центр ада под горой Елеонской, на которой находилась Богородица: «отверзеся адъ» [22, с. 118]. Затем Богородицу из центра «изведоша» на юг ада: «изыдемъ на *полудне*» [22, с. 119]. Далее, вероятно, вернувшись в центр, «изведоша Благодатную на *полунощь*» [22, с. 120], т. е. на север ада. Третий маршрут Богородицы по аду — запад: «изыдемъ <…> на *западъ*» [22, с. 122]. И, наконец, последнее пребывание Богородицы уже, по-видимому, на востоке, но уже не в аду. Это ей предложил архангел: «да изыдемъ на *востокъ*» [22, с. 122]; т. е. «почиваи въ раи» [22, с. 122]. В конце хождения Богородица действительно вознеслась на восток — «на высоту небесную» [22, с. 123].

Понимал ли переводчик, а вслед за ним поздний переписчик апокрифа получившуюся крестообразность маршрута Богородицы? В связи с этим обращает на себя внимание находящееся в тексте апокрифа высказывание архангела о расположении востока и запада: «на востокъ или на западъ, или въ рай *надесно или налево*» [22, с. 122]. То есть запад мыслился слева, а восток — справа. Как на карте. Отсюда неясно могла вырисовываться схема: ангелы через центр ада носили Богородицу по крестообразному маршруту: юг — север, запад — наверх на восток.

Случайно ли это? Но мотив повторяется: в самом начале «Хождения» сообщается, что к Богородице на гору Елеонскую «сниде архан-

гелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ полудни, 100 отъ полунощь» [22, с. 118]. Опять получается та же крестообразная фигура, только намечаемая в иной последовательности: восток — запад, юг — север.

Кроме того, в «Хождении» четыре раза упоминается крест: «силы честнаго *креста*» [22, с. 120]; «*крестъ* словомъ нарицаху» [22, с. 122]; «сила честнаго *креста*» [22, с. 123]; «вознесохся на *крестъ*» [22, с. 124].

Видимо, «крестообразность» маршрута действительно была положена в основу «Хождения Богородицы», но заметная только в данном списке 1602 г.

В прочих древнерусских списках «Хождения Богородицы» до XVII в. включительно такая фигура не прослеживается либо из-за дефектности древнейшего списка, либо из-за спутанности направлений в других списках (см., например, РГБ. Троицк. собр. № 12, XII в. [12]; РГБ. Собр. Овчинникова. № 201, 1596 г.; РГБ. Собр. Тихонравова. № 18, последняя треть XVII в. [59]). Сходные по теме и по некоторым деталям с «Хождением Богородицы» два произведения: «Хождение апостола Павла по мукам» и «Слово о втором пришествии» Палладия-мниха — не имеют ясной или похожей «маршрутной» композиции, как в «Хождении Богородицы» по списку 1602 г.

Разные направления по аду в списке 1602 г. (т. е. у переводчика и переписчика) различались подбором человеческих мук, хотя тоже не совсем отчетливо. Наиболее богат традиционными муками был юг ада: огонь, плотоядные черви, змеи и пр.

Север же ада отличался виселицами: «древо железно, имеюще отрасли и ветвии железныи, и вершие ветвия того имеяше уды железныя, и бяше множество висящии, мужъ и женъ, за языки»; дальше было видно «висяща мужа за четверо за вся края ноготъ его, исхожаше кровь велми зело, и языкъ его вязашеся от пламени огненаго — не можаше воздохнути, ни рещи» [22, с. 120].

Массовость мук была свойственна западу ада: «близъ тоя реки бяше тма мрачна, ту лежаше множство мужъ и женъ, и клоктаху, яко въ котле <…> и погружаху грешники 1000 локоти <…> скрежетъ зубомъ <…> и явишася грешницы, яко зерна горюшечна» [22, с. 122]. — Как мельчайшие семена горчичные.

О востоке ада не сказано ничего.

Теперь о сходстве всех предметных мотивов у памятника. Богородицу во всех частях «Хождения» сопровождало великое обилие существ и предметов. К ней «обратишася херувимы и серафимы и 400 ангелъ» [22, с. 119, 120, 122, 123], а также «ангели, стрегущии муку» [22, с. 119, 122]. Богородица видела бесконечное «множество народу — мужъ и женъ» [22, с. 119, 120 и мн. др.].

Все были настойчивы и энергичны: «ядяше же черви неусытаяи» [22, с. 121, 122]; энергичны души, от которых «вопль многии бысть и гласъ великъ» [22, с. 119]; «возопиша вси единымъ гласомъ» [22, с. 122]; энергично ангелы упрямились сразу выполнять просьбы Богородицы, ссылаясь на то, что им «поручено» оставлять грешников без света [22, с. 119]; энергично архангел Михаил неоднократно побуждал Богородицу: «еще, святая Богородица, несть видела великихъ мукъ» [22, с. 120]; «поди, госпоже, да ти покажу, где мучатъ иереи» [22, с. 121]; «поди, пресвятая, и покажу ти, где ся мучитъ множство грешникъ» [22, с. 121]; «поди, пресвятая, да ти покажу езеро огнено» [22, с. 121]; энергично упрямился Бог, не желавший помиловать грешников: «Господь святыхъ не послуша» [22, с. 123].

Короче говоря, по изображению переводчика и переписчика памятника Богородицу в «Хождении» в списке 1602 г. окружал, если можно так выразиться, полнокровный потусторонний мир.

Но это был мир застывший. Грешники в «Хождении» не двигались, они «пребывали» в аду, были погружены в огонь, лежали в огне, висели неподвижно в разных позах и пр. Тела горят, но не сгорают. Некоторые из них и при жизни отличались физической пассивностью: «леняще лежатъ, яко мертви» [22, с. 120]. Богородица тоже не двигалась сама, ее по аду «изведоша» ангелы, а на небо «вознесоша» херувимы и серафимы. Только однажды Богородица «возде руце свои» [22, с. 123]. В свою очередь Богородица призывала небесные силы к неподвижности: «да припадемъ предъ невидимымъ отцемъ и не подвижемъ себе» [22, с. 123–124]. Сам Бог видел застывшую картину: «А вижу гвоздия во дланехъ сыну моему» [22, с. 123]. Исключением, казалось бы, является изображение движущегося огня в аду. Однако тек, пылал, клокотал адский огонь каждый раз только на том или ином, но на одном месте ада, не переходя никуда.

И одновременно это мир умиротворенный. Первая, вступительная часть «Хождения» риторично-торжественна, как акафист: архан-

гел Михаил и Богородица долго призывают друг друга радоваться и приветствуют друг друга многочисленными выспренними похвалами. Далее происходит переход к деловитому однообразному повествованию. На умиротворенность потустороннего мира указывают заголовок памятника в рукописи 1602 г.: «Слово <…> о *покои* всего мира» [22, с. 118], а также концовка «Хождения», где, как известно, отдохновение грешникам от мук, в отличие от греческого источника, было продлено с одного дня аж на семь с половиной недель. В греческом тексте (в переводе на русский): «дарую вам отдых в день Пятидесятницы»[1]; в древнерусском же тексте: «даю вамъ день и нощь отъ великого четверга до святого пянтикостия, имете вы покои» [22, с. 124].

Все эти изобразительные мотивы не находились в центре внимания ни переводчика, ни переписчика «Хождения Богородицы», но они ценны сейчас для истории древнерусской литературы и ее художественных элементов.

Возникает вопрос о причине обращения составителя сборника 1602 г. к «Хождению Богородицы». Ведь 1601–1603 гг. — время страшного голода и массовой смертности в России. Можно предположить, что составитель данного сборника использовал какой-то более ранний список «Хождения», относившийся к более спокойному времени (но не список 1596 г. РГБ. Ф. 209. Собр. Овчинникова. № 201[2]); составителя же сборника, вероятно, привлекло обилие мучений людей в «Хождении», созвучное обстановке 1602 г. Недаром непосредственно перед «Хождением Богородицы» составитель сборника поместил «Прение Господне с диаволом», где содержалась знаменательная фраза: «Первое лето не обрящетца вина много въ людехъ, а въ другое лето не обрящется ни пудъ жита по всей земли» [43, с. 285]; а далее следовали сочинения о массовых смертях — «Слово о 20 мытарствах» Кирилла, «Поучение об исходе души от тела и о растлении телес» философа Иоанна Дамаскина, «Слово о втором пришествии и о антихристе» (см.: [17, с. 382–383]).

[1] Перевод греческого текста цит. по: [45]. Кстати, нет крестообразности маршрута Богородицы и в греческом тексте «Хождения».

[2] Ср. текст списка Овчинникова: [19, с. 599–609].

6. Изображение людей в патериковом сборнике 1628 г.

Из заголовка статьи ясно, что предпринимается попытка следовать «человековедческим» работам Д.С. Лихачева и В.П. Адриановой-Перетц.

Речь пойдет о рукописном сборнике Паисия Ильина, монаха Троице-Сергиева монастыря, переписавшего три патерика — Азбучный, Иерусалимский и Скитский (РГБ. Троицк. собр. № 702 [49]). Наш подход к этому повествовательному сборнику чисто эстетический: мы исследуем, что в результате получилось тут в литературно-изобразительном отношении.

«Азбучный патерик»

Главным объектом изображения в «Азбучном патерике» были персонажи смиренные, но отнюдь не симпатичные. Редкостью был персонаж хотя бы просто приятный, как например, некая чистенькая услужливая девица: «отроковица некаа <…> чисту плащаницю носящи и держащи чашу, водою каплющи» [49, л. 49. О авве Макарии Египетском]. Чаще же о персонажах не сообщалось ничего хорошего. Смиренный мужчина не отличался красотой: «имея власы и на краи брады мало власъ <…> ни власы главы его не растяху» [49, л. 45. О авве Марке Великом]. Смиренная монашка довольно противна из-за склонности к пьянству: «лежаще посреде двора <…> спить пианичьливая, яже посреде двора лежаше <…> лежаше храплющи» [49, л. 22 об. – 23. О черноризице пианичьливе]. Какой-то монах специально изводил себя вонью: «прутце квасяше <…> поне же смердить» [49, л. 6. О братии]. Советы были жестоки: «траву яждь, и в траву облецыся, на траве лежи, точию сердце свое железно стяжи» [49, л. 40. О авве Исааке Великом]. Проявления доброты отвратны: прокаженный «бяше до конца оброслъ ранами», а небрезгливый старец «соживаше пищу и влагаше во уста прокаженному» [49, л. 18 об. О авве Даниеле]. Проявления смирения карикатурны; так, монах признался о своем добровольном унижении, когда ему бросили на землю «единъ паксимадъ (*сухарь*)»: «паче пса горша мя суща. И емь усты своими паксимадъ, рукама и ногама ходивъ, иде ясти и во единомъ югле» — на четвереньках в углу ел, как пес» [49, л. 4. О авве Арсении]. Помощь оборачивалась погибелью: «видехъ <…> при брезе рекы человека,

углебша в тине до колену. И пришедше неции дати ему помощь, погрузиша его до выя» [49, л. 5 об. О братии]. Наконец, оплакивание умершего получалось зверским: «како левъ, рыкаше на гробе его, яко же и умрети зверю верху гроба его» [49, л. 13. О авве Висарионе].

Почему смиренные люди представали в «Азбучном патерике» в столь непрезентабельном виде? А потому, что все строилось на умышленном противопоставлении искусственной эстетики религиозной, церковно-монастырской эстетике светской, бытовой, живой. Для первой хорошо то, что плохо для второй.

А как быть тогда с персонажами несмиренными, одинаково отрицательными для обеих эстетик? «Азбучный патерик» без всякого сочувствия изображал их максимально физиологически ужасными. Например, обезумевший «юноша <…> прохода своего гнои ядяше, множицею и сець свои пиаше» [49, л. 46. О авве Макарии Египетском]. Или некто «женомужь» (гермафродит): «видехъ мужа <…> нача до конца, черна видениемъ, гнусна образомъ, мала главою, тоньконога <…> весь звериноподобие имея <…> съсца имея женьскы, великомудъ, таинныи удъ его, яко же ослии, и потрясаа своихъ срамотъ, и показая ми задняя, яко же тело женьско» [49, л. 74–74 об. О авве Сисое].

Однако мирный троицкий монах, переписавший «Азбучный патерик», не противопоставлял обе эстетики: он, по его признанию, все «сие приимъ в сердцы мудрено и смотреливно» [49, л. 367. Послесловие писца]. Поэтому неприятное выступало для него объяснимым и простительным. Так, некто «видевъ жену на селе, во чреве имущу. И бесовьскымъ деиствомъ движимь бывъ, рече: “Хощу видети, како лежить отроча во чреве ея”. И расцепивъ ю, и виде отроча. И абие уязвися сердце его, и раскаявся» [49, л. 10 об. Авва Аполо].

«Иерусалимский патерик»

В «Иерусалимском патерике» преобладают канонические поучения «старцев» и быстрое движение поучительных сюжетов, но предметных описаний совсем мало, притом они не всегда благополучны. Так, некий непутевый монастырский «ученик» признавался: «Изыде же иногда старець в нощи и обретемя спаща посреде двора келия. И стану старець, плача мя, и рыдая, и глаголаше: “Где бо мысль его? И тако спитъ бес печали”» [49, л. 115 об. О воздержании. Слово 4]. Или девицу изнасиловал воин: «воставши же девица, совлече с себя об-

разъ чернеческыи, и седяше на рогозине, плачющи; одежду, юже носяше, раздравши <…> пребысть же до смерти тако» [49, л. 125 об. На востающих на нас плотских браней. Слово 5]. Наконец, такая морская сценка: «случижеся в нощи магистриану (*чиновнику*) чревоме смущену быти, и воставъ, иде и седе на устну (*носу*) корабля. И удари его ветрило (*парус*), и впаде в море» [49, л. 161 об. Яко странно примати подобает. Слово 13].

Благополучные же эпизоды бессмысленны с бытовой точки зрения. Например, «старець <…> востерзая (*надергивая*) листвице (*лиственницу*), и плетяше пленицю (*плетенку*), и повергаше в реку» [49, л. 145 об. Еже о расуждении. Слово 10]. Зачем он это делал? — «Не потребъ ради делаше, но труда ради и безмолвия» [49, л. 146]. Или некий юный старательный «ученик» устремился нелепо, с риском для жизни передать «писание харатие» одного аввы другому авве, хотя никакой срочности не было, — но «си есть послушание»: «случижеся дождю быти многу, яко же и реце <…> снити страшне <…> ученикъ же <…> совлече ризы своя, и зависъ ризами, и связавъ, положи на главу свою <…> и воверже себе в реку <…> и сопротивляяся волнамъ, и далече много быстринами снесенъ бывъ, преиде на другую страну рекы» [49, л. 170–170 об. О послушании. Слово 14].

Неприятное и опасное усугублял, и оправдывал, и даже делал приятным «Иерусалимский патерик». Например, один из таких послушных подвижников «на реку <…> сниде, и пришед коркодили, лижаху тело его, и не вредиша и́» [49, л. 171. О послушании. Слово 14]. Вероятно, таково было и впечатление Паисия Ильина, так аккуратно переписавшего патерик «благоволениемъ <…> утешительного духа» [49, л. 367. Послесловие писца].

«Скитский патерик»

Этот патерик крайне мрачен. Здоровых людей в нем нет. Из относительно уцелевших персонажей упоминаются увечные: то «старецъ-мирянинъ, зело престарелъ, и весь седъ <…> погорбленъ же зело» [49, л. 185. О Евлогии-каменосечцк], то предстает женщина «сосци <…> жельстии бяху и иссохша, яко же два листа <…> яко же два листа увянула» [49, л. 204 об. – 205. Повесть о евнухе, иже в ските]. Прочие подвергаются разным казням, из которых сравнительно полегче такие: «воста мертвый <…> и простретъ руце свои на мя,

и перъсты своими содра лице мое и изятъ обе очи мои» [49, л. 297. Повесть]. Или: «езеро тиново, смрада исполнено, и главы некых восходящыхъ и низъходящихъ во глубине езера; и с ними матерь мою восходящу и низъходящу до выя <…> и паки поникши во глубину тины, и пакы возведши до перьси» и т. д. [49, л. 332. Повесть Феодорита Антиохийского].

Нередко рассказы патерика распространяются о черных агрессивных существах: «множьство человечь бесчисленно, черна имуща лица паче смолы» [49, л. 231. Рассказ Козмы]; «некыи муж страшенъ, яко ж исполинъ, черьнъ видениемъ <…> пламень огненъ многъ зело испущаху, огнь ж со силным дымом отрыгааше» [49, л. 231 об. Рассказ Козмы]; «коня черны и всадницы ихъ черны <…> имяше и огнени жезлы в руках своих» [49, л. 237 об. Повесть страшна о волхве и о юноше]; «виде мужа оного чернаго и мрачно имущаго лице» [49, л. 241 об. О простом Павле] и т. д. и т. п.

Одеяния персонажей мучительны и трагичны: «чрепины и горнича (*черепки и осколки*) на ушеса овесиша на выи его и досаждааху ему» [49, л. 248 об. Рассказ некоего инока]. Или: «ходяща ризами скверными и раздраными, и лицемъ уныла суща» [49, л. 262 об. Повесть о Аполинарии-патриархе и о некоем юноше]. Ужасная картина: «сретоша мя множество ефиопъ <…> и, принесше змию черну, связаше (*ею*) руце мои. И другую змию, сотворивше, яко обручь, возложиша на выю мою. И ины возложиша на раму моею. И прилепиша сия ко ушима моима. И со другою змиею препоясаша чресла моя <…>. Начаша же и змия снедати нозе мои и лице со очима моима» и т. д. [49, л. 274 об. Повесть Евстафия-мниха]. Некоторым послаблением было лишь полное отсутствие одежды: «одежда же моя многыми леты растле, и порастъшим власом моим, покрываюся ими вместо одежда» [49, л. 329. О другой инокине в пустыни]; «ризи моя растлешася, власы главы моея тело со срамными уды покрывается уже бо 30 летъ» [49, л. 356 об. Житие Ануфрия Пустынного] и мн. др.

Почему свой сборник патериков Паисий Ильин завершил столь мрачным образом? Объяснять можно с разных сторон. Если довольно грубо попытаться связать этот сборник с общественными настроениями 1620-х гг., то можно предположительно усмотреть некоторое соответствие. Паисий Ильин вроде бы исходил из ощущения светлого благополучия, переписывая «Азбучный патерик» и «Иудейский

патерик»: «возлюбивъ писати книги сия» [49, л. 367. Послесловие писца]. Но где-то на горизонте сознания монах чувствовал присутствие черных туч, то ли оставшихся от прошедшего, то ли предвещавших будущее, когда понадобится «спасение душамъ человеческимъ» [49, л. 367. Послесловие писца], для чего «начата бысть писатися сия богодухновеная книга Скитъ» [49, л. 367–367 об. Послесловие писца]. Хотя это только догадка.

7. «Повесть о Тимофее Владимирском»
Замечания о датировке

В основополагающей статье М.О. Скрипиля эта повесть была датирована 1467–1473 гг. [6, с. 289], но тут же и более поздним временем — гранью XV–XVI вв. [6, с. 291]. Недавно И.В. Нестеров даже сузил датировку повести до 1464–1467 гг. [5]. Обе датировки основаны на политической характеристике событий, изложенных автором повести, и на предположении о хронологической близости авторского изложения к событиям XV в.

Но датировка памятника по дошедшим спискам повести вызывает сомнения. Ведь до нас дошли только поздние списки произведения, не ранее XVII в., а большинство — XVIII в. В нескольких списках XVIII в. указывалось, что повесть взята якобы из «Степенной книги» [6, с. 295–296], — это показательно. Симптоматично также, что современный исследователь Н.В. Трофимова обнаружила много совпадающих мотивов и выражений у «Повести о Тимофее Владимирском» и у «Казанской истории» [7, с. 202–208]. А Н.С. Демкова заметила сходные мотивы «Повести о Тимофее» с «Повестью о Горе-Злочастии» [24, с. 677].

Как тут быть? Присмотримся к деталям текста в повести (по списку в сборнике разных повестей РГБ, Большак., № 391 [54]). Сборник, в отличие от всех сборников с повестью, точно датирован; он написан одним почерком в 1709 г., как следует из записи тем же почерком на л. 201 (запись завершает повесть и весь сборник): «конецъ и Богу слава. Писана в 709-м году». Список повести, по классификации М.О. Скрипиля, относится к тексту первой ее редакции и совпадает с другими списками XVII в. той же редакции.

С одной стороны, можно найти еще возможное объяснение связи повести с XV в. В заголовке повести по Большаковскому списку, как

и в других ее списках, пояснено: «Бысть в Рускои земле в княжении царя и великого князя Иоанна Васильевича Московского и всеа Росии» [54, л. 195]. Отчего бы это Ивана III так заинтересовала судьба какого-то владимирского священника Тимофея? В повести нет объяснения тому. Возможны разные домыслы. Одним из поводов княжеского внимания могло стать тезоименитство: христианским именем Ивана III было тоже имя Тимофей [4, с. 550–551].

Но мало ли Тимофеев было на Руси? Однако есть еще одно соображение. В повести Тимофей назван «презвитером» и «попом». Когда в поле отрок встретил Тимофея, тот «верстою бы он в пятьдесят летъ быв» [24, л. 199 об.] и «живяше он 30 лет в Казани» [54, л. 196]. Значит, во Владимире Тимофей являлся пресвитером уже в 20 лет. Не слишком ли рано? Ведь по определению Владимирского архиерейского собора еще 1274 г. (по списку ГИМ, Синод., № 132, 1280-х гг.) пресвитером мог становиться священнослужитель возрастом не менее тридцати лет: «По мнозех же дьнехъ будеть дьяконъ не м[е]не полу 30 летъ, попъ же — не м[е]не 30 летъ» [38, с. 112]. Возможно, бывали исключения. Может быть, Тимофей происходил из знати? Тогда становится более понятным, почему он стал сразу «воевода в Казани» [54, л. 196], а отрок с известиями о Тимофее тут же получил доступ к митрополиту всея Руси и к великому князю.

Но, с другой стороны, в дошедшем тексте повести есть деталь явно поздняя. Тимофей «не могии терпети разгорения плоти своея» и изнасиловал девицу, дочь знатных родителей, притом при отягчающих обстоятельствах: в церкви, во время исповеди, во время первой, самой строгой недели Великого поста. Насильник «убояся изымания <…> да не явлен будет властелем града того и про то б ему злою *смертию не умереть*» [54, л. 195 об.]. В «Соборном уложении» 1494 г. изнасилование не упоминалось. Смертная казнь за изнасилование была введена в России «Соборным уложением» 1649 г., а до того не связывалась со святотатством или кощунством и каралась только большими штрафами. В «Соборном уложении» 1649 г. две статьи касались изнасилования: «А будетъ кто ратные люди <…> и учинятъ <…> женъскому полу насильство <…> и техъ <…> за насильство женскому полу казнити смертию» [42, л. 83 об. – 84. Глава 7, статья 30]; «а будетъ кто придетъ в чей домъ и похочетъ того дому над госпожею какое дурно

учинить <…> а после того <…> техъ воровъ <…> всехъ казнить смертию» [42, л. 326. Глава 22, статья 16].

Однако относилось ли это к священникам? Соборные статьи о духовных чинах 1667 г. подтверждали: «те отъ священного или монашеского чину <…> что они за ихъ отъ священства отлучили и прислали ихъ къ градскому суду <…> техъ присланныхъ принимать и чинить имъ указъ <…> по Уложенью <…> какъ и мирскимъ людемъ, кто чего довелося» [9, с. 213].

Значит, пресвитеру Тимофею пришлось страшиться смертной казни лишь в том случае, если он жил не в XV в., а во второй половине XVII в. Подобный анахронизм свидетельствует, что повесть о событиях XV в. дошла до нас только в поздней редакции второй половины XVII в.

Поддерживают такой вывод еще две несообразности в списках повести, включая и Большаковский список. В конце повести сообщается, что «отроку <…> князь и земли *удел* даде ему» [54, л. 200 об.]. Но уделы великие князья раздавали только своим сыновьям и родственникам. Отрок же никак не принадлежал к знати. В повести сказано лишь, что «бе бо и отрокъ тои грамотен же» [54, л. 197 об.]; а когда его с царской грамотой отправили из Москвы в казанскую землю для встречи с Тимофеем, то даже не дали коня: «и иде отрокъ полем многия дни до уреченнаго места того» [54, л. 199]. Таким образом, перепутать удел с поместьем можно было только в очень поздней редакции повести.

Вторая несообразность тоже терминологическая. Тимофей завещал отроку «*басманы* великия полны насыпаны злата, и сребра, и драгих камении» [54, л. 200 об.]. В данном контексте слово «басман» было употреблено в значении «сумка» или «мешок», куда можно насыпать что-либо тяжелое. Но в XV–XVII вв. слово «басман» означало «хлеб» (белый пшеничный хлеб с клеймом) или «связку» чего-либо и к мешкам никогда не имело никакого отношения [40, с. 77, 79]. Столь странное словоупотребление в списках повести снова возвращает нас к мнению о ее поздней редакции.

Наконец, на позднюю редакцию повести, возможно, указывает и полное отсутствие индивидуальных черт у великого князя и митрополита, а также нарушение последовательности изложения: Тимофей просил отрока: «возвести о мне вся митрополиту вашему <…> и **они** б меня восприяли» [54, л. 198]. Кто это «они»? Ведь в повести вели-

кий князь упомянут позже: «дабы попечаловался великому князю московскому, дабы и он простил». И только далее во множественном числе: «да рукописанием бы прощение мне во всем написали». Фраза «и они б меня восприяли, и запретили, и простили» была ошибочно переписана не на месте, а это тоже свидетельствует о позднем характере якобы первой редакции повести.

Замечания о стиле

Дошедший текст повести содержит следы тщательной литературной обработки. Приведем лишь некоторые примеры. Весь текст искусно составлен из сдвоенных фраз и выражений с усилительными повторами слов: «отвержеся *веры* христианския <…> и бусурманскую <…> *веру* прият» [54, л. 196]; «сам же един *остася* назади <…> после полку своего далече *остася*» [54, л. 196]; «*что плачь* твои и про *что* столь горько *плачеши*» [54, л. 197 об.] и т. п.

Еще больше выражений с двойными синонимами: «*падеся* з девицею <…> и *сотворив грех* з девицею» [54, л. 195 об.]; «*погна* из дому <…> *бежа* на чюжду *страну*, в поганую *землю* татарскую» [54, л. 196]; «великим гласом жалостно *плакати и рыдати*» [54, л. 197]; «*молю тя*, отроче, и *заклинаю тя*» [54, л. 197 об.]; «*истинно и неложно* <…> *по ряду и подробну*» [54, л. 198 об.]; «*радуяся и веселяся*» [54, л. 200 об.] и мн. др.

Нередки были и усилительные пояснения сюжета: «искус сицев *на пагубу души его*» [54, л. 195]; «суда Божия *и вечнаго мучения лютаго*» [54, л. 195 об.]; «не хотя смерти грешнику, но *еже* обратитися ему *и живу быти*» [54, л. 196]; «гортань его премолчит, *и слезы исчезнут от очию его*» [54, л. 197 об.]; «простишася греси его, *душа его спасена*» [54, л. 200 об.] и пр. Повествователь явно заботился не столько об экспрессивности, сколько об убедительности и о понятности изложения и поэтому постоянно что-то объяснял и о чем-то напоминал. Почему татарский воевода Тимофей вдруг запел стих о Богородице? Потому что «помянувъ согрешение свое» [54, л. 196 об.]. Почему прятался отрок? Потому что «ждуще, докуды минет весь полкъ татарскии, чтоб востать от места того, побежать, не бояся, к Русии» [54, л. 196 об.]. Почему отрок вышел навстречу Тимофею? Потому что «мнев поющаго стих быти русенину» [54, л. 197]. И так на каждом повороте событий в повести.

Понятности изложения служили в повести и регулярные напоминания о предыдущих событиях: «сказа ему о себе, яко…» [54, л. 197]; «вся <…> вышеписанное поведа, яко…» [54, л. 197 об.]; «подробну поведа о <…> еже <…> и како <…> и како…» [54, л. 200 об.]; «окаянному варвару, прежде бывшу попу» [54, л. 197] и др.

Наконец, повесть отличалась точностью изложения. Всегда пояснялось время или продолжительность действий персонажей: «в пятокъ вечера» [54, л. 195 об.]; «в полудни» [54, л. 196 об.]; «заутро» [54, л. 198 об.]; «нощъ ту» [54, л. 200]; «от полудне того до вечера» [54, л. 197 об.]; «два дни» [54, л. 199] и т. д.

Пунктуально отмечалось место действий: «быста <…> в церкве» [54, л. 195 об.]; «идущу же ему чистым и великим полем» [54, л. 196 об.]; «потече из дубравы» [54, л. 197]; «о землю убивашеся <…> спа до утра на траве» [54, л. 197 об.]; «шед в полату» [54, л. 198 об.]; «на горе высоце на древо возлезши» [54, л. 199] и т. п.

Средства передвижения — кони — тоже повсюду мелькали в повести: «оседла конь свои» [54, л. 195 об.]; «едущу же ему на коне своем» [54, л. 196 об.]; «гнаше <…> на дву скорых драгих конех своих» [54, л. 199]; «вседна конь и поеде на Русь» [54, л. 200 об.]; «сшед с коня» [54, л. 197–197 об.]; «свержеся с конеи своих» [54, л. 199 об.].

Неизвестно, кто был автором этого в общем столь четкого, ясного и доходчивого повествования. Но, скорее всего, участвовали три стороны друг за другом: сначала составители легенды, что, согласно послесловию к повести, «много лет ненаписана бысть» [54, л. 200 об.]; затем неведомый тот, кто записал повесть «ползы ради прочитающим» [54, л. 200 об.]; позднее же — возможный редактор второй половины XVII в. Разделить, кто что полезное сделал, пока невозможно.

Что же касается характеристики редактора дошедшей до нас редакции повести, то отметим его спокойное настроение, которое заметно, в частности, по всегда лаконичному упоминанию чувств персонажей: «пояше умилно» [54, л. 196 об.]; «з горкими слезами» [54, л. 197]; «дивяся себе» [54, л. 197 об.]; «с радостию и без сумнения» [54, л. 198]; «в ужасе надолзе быв» [54, л. 200 об.] и т. д. и т. п. Свое чувство повествователь выразил лишь однажды и тоже архикратко: «Охъ, увы ему» [54, л. 196. Имеется в виду Тимофей]. Такое спокойствие на когда-то столь волнительную тему, как кажется, тоже свидетельствует

о поздней редакции повести, которая в сборниках XVII в. воспринималась как душеполезная притча.

Кроме того, на литературный стиль второй половины XVII в., возможно, указывает стремительность развертывания событий в повести: Тимофей «скоро погна» [54, л. 196], мгновенно стал мусульманином, мгновенно вдруг раскаялся, «внезапу» и умер [54, л. 200]; отрок тоже «скоро сказавше сие митрополиту» [54, л. 198 об.]; митрополит «в тои же час скоро шед <…> и возвести <…> великому князю» [54, л. 198 об.].

8. Литературные особенности «Сказания о Мамаевом побоище» по списку 1689 г.

Выявляя редакции «Сказания о Мамаевом побоище», Л.А. Дмитриев отметил любопытную особенность списка «Сказания» в сборнике 1689 г. (РГБ. Собр. Румянцева. № 378): в конце «Сказания о Мамаевом побоище» был приставлен большой отрывок из «Задонщины» (см.: [26, с. 462–464; 41, с. 428–431]). Как текстологу, Л.А. Дмитриеву надо было установить источник добавления, который он и отнес к Синодальному изводу «Задонщины».

Отрывок из «Задонщины» приставил к переписанному им «Сказанию о Мамаевом побоище» некий Иван Логинов сын Бедрин, посадской человек из Борисоглебской слободы Ярославского уезда, когда составлял свой сборник преимущественно из воинских повестей. Трудился он в течение почти года — с 1 сентября 1688 г. по 26 июля 1689 г. Об этом И.Л. Бедрин оставил красивую запись в самом начале сборника. Что-либо более подробное об этом человеке пока узнать не удалось.

Но нас в данном случае интересует чисто литературоведческий вопрос: зачем «Задонщина» была приставлена к «Сказанию».

Для того чтобы понять причину подключения «Задонщины» к «Сказанию о Мамаевом побоище», надо познакомиться с тем, как И. Бедрин обработал само «Сказание», а его обработка оказалась довольно значительной.

И. Бедрин пользовался каким-то неизвестным для нас списком первой, Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Это определил Л.А. Дмитриев. Если сравнить текст Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» по списку второй четверти XVI в.

(по Б.М. Клоссу, конца 1520-х — начала 1530-х гг.) РНБ, O.IV.22, то видно, что И. Бедрин фактически создал пересказ, близкий к тексту «Сказания»; но нередко он сокращал риторические и повествовательные длинноты, притом не всегда удачно; упрощал выражения; что-то переставлял; что-то заменял; что-то добавлял. Вот на его замены и добавления сто́ит обратить внимание. Независимо от их происхождения у И. Бедрина — собственные ли его они, или навеянные ему другими редакциями «Сказания», либо переписанные из протографа. Важно, что́ получилось в целом.

Вообще-то И. Бедрин не всегда внимательно переписывал свой протограф и нередко неверно прочитывал написанное, допуская явные нелепости. Но мы рассмотрим только те отличия бедринского текста, в которых выразилось личное отношение переписчика к теме произведения — к Куликовской битве.

Главная тенденция словесных **замен** в пересказе И. Бедрина — подчеркивание трагичности событий на всем протяжении повествования. Так, с плачем великая княгиня Евдокия провожала русское войско на битву. В Основной редакции «Сказания» написано так: «слезы льющи, аки речьную быстрину. С великою печалию приложивъ руце свои къ персем своим» [39, с. 33][3]. И. Бедрин же усилил плач княгини и ее горестный жест: «слезы льюще, аки *велия речныя быстрины*, с печалию великою *сшиб* руце свои, к персом своим *пригнув*» [57, л. 95 об.][4].

Далее И. Бедрин, пересказывая и искажая свой источник, продолжил «отратичивание» повествования. Например, что происходит перед битвой? В Основной редакции: «От таковаго страха и грозы великыа древа прекланяются <…>. Мнози людие от обоих унывають» [39, с. 38]. У И. Бедрина всё гораздо хуже и страшнее: «От таковаго страха и *грозныя великия беды* древа прекланяются <…> и мнози от *убогих* унываютъ» [57, л. 104 об.].

Показательно также: в Основной редакции перед битвой «русские кони окрепишася» [39, с. 41], а у И. Бедрина в результате знаменательной описки «руские кони *окротишась*» [57, л. 110 об.], т. е. стали кроткими, как бы испуганными.

---

[3] «Сказание о Мамаевом побоище» по списку XVI в. цит. по: [39].

[4] «Сказание о Мамаевом побоище» по списку 1689 г. цит. по: [57].

Такие невольные «горестные» искажения источника были характерны для жалостно настроенного И. Бедрина. Особенно выразительно у него вот какое искажение. В Основной редакции «Сказания» было употреблено непонятное слово «рыдель» (оруженосец): великий князь Дмитрий Иванович «повеле рыделю своему» [39, с. 42]. И. Бедрин прочел это слово как «рыдатель», хотя битва еще не начиналась и скорбеть еще было не о ком: «великий князь повеле *рыдателю* своему» [57, л. 111 об.].

Далее разразилась битва, а И. Бедрин, вероятно, ошибся в прочтении, но в результате усугубил кровавость битвы до предметной ощутимости. В Основной редакции «Сказания»: «выступали кровавыа зари», «изыде облакъ, яко багряная заря» [39, с. 43, 44]. У И. Бедрина же заря превратилась в нечто материальное: «выступали же кровавыя *езера*» [57, л. 115]; «изыде облакъ, яко багряна *риза*» [57, л. 116].

Наконец, после битвы великий князь Дмитрий Донской осматривает убитых. И эти эпизоды И. Бедрин снова вольно или невольно сделал более горестными. Так, в Основной редакции «Сказания» великий князь поминает богатыря Пересвета как «починалника» Куликовской битвы [39, с. 47]; а у Бедрина Пересвет превратился в «*печалника*» [57, л. 122 об.]. В Основной редакции сказано: «пити многим людем смертнаа чаша» [39, л. 47]; а И. Бедрин назвал эмоциональнее: «пити многим *горкую* чашу» [57, л. 122 об.].

Кроме того, в пересказе И. Бедрина наблюдаются настойчивые странные замены. В Основной редакции: «Храбрым людем в плъкех сердце укрепляется» [39, с. 38]; у И. Бедрина: «а *уноши* мысльми укрепляются» [57, л. 104 об.]. В Основной редакции: «Уже бо от сановитых мужей мнози побиени суть» [39, с. 44]; а у И. Бедрина та же замена: «уже много от сановитых *юнош* побиты суть» [57, л. 115 об.]. В Основной редакции: «Некто князь имянем Стефанъ Новосилской» [39, с. 46]; а И. Бедрин опять подчеркнул: «*юн* же *юноша* Стефан новоселских князеи» [57, л. 119]. Почему И. Бедрин так старался указать на юность русских участников Куликовской битвы? Возможно, потому, что так жалостней казались события, а может быть, и героичнее.

Тут уместно добавить, что некоторые замены и искажения в пересказе И. Бедрина действительно дополнительно указывали на уверен-

ность и героизм русского войска. Например, в Основной редакции «Сказания» сообщается о выезде великого князя в поход: «Напреди же ему солнце добре сиаеть» [39, с. 33]. А И. Бедрин усилил поддержку: «Преди же *в удоб* сонца е *греетъ* ему» [57, л. 95 об.]. То же относится и к русскому войску. В Основной редакции: «грядуть русские сынове успешно» [39, с. 34]. А у И. Бедрина: «сынове рустии *утешно* грядутъ» [57, л. 96 об.], т. е. спокойно.

Далее. Во время битвы в Основной редакции «многажды стязи великого князя подсекоша, нъ не истребишася» [39, с. 44]. В пересказе же И. Бедрина стойкость русского войска оказалась прочнее: «уж стези великаго князя *проминашась, но не сминашась*» [57, л. 115 об.] — стяги волновались, но не мялись (или: гнулись, но не падали).

Затем И. Бедрин снова героизировал текст своим невольным искажением. В Основной редакции «Сказания» говорится о русских воинах: «стязи их направлены крепкым въеводою» [39, с. 45]. У И. Бедрина вместо «стязи» стало «витязи»: «си *витязи* направлени крепким воеводою» [57, л. 117–117 об.].

Наконец, не случайно у «государственника» И. Бедрина получилась оговорка-описка. В Основной редакции: «Се же слышахом от вернаго самовидца» [39, с. 44]. А И. Бедрин прочел: «Се же слышахом от вернаго *самодержца*» [57, л. 115 об.]. То же заметно в явно идеологической замене. В Основной редакции: после битвы «ставъ князь великий над любезными воеводами» [39, с. 47]. Верноподданный И. Бедрин переиначил: «ставъ *многодаровитыи государь* над любезными *рабы*» [57, л. 121 об.].

Мы попытались объяснить некоторые словесные замены у И. Бедрина. Но были у него еще и добавления слов и фраз.

Самые частые добавления И. Бедрина героизировали русское войско. Покровителей великого князя И. Бедрин добавил с самого начала похода: «путь ему поведают *святии мученицы Борис и Глеб*» [57, л. 95]. В Основной редакции: «Солнце <…> путь ему поведаеть» [39, с. 33]. Кроме того, И. Бедрин добавил небесную поддержку русскому войску во время битвы: над войском «изыде облакъ <…> исполнь рукъ человечних, кажтдо рука держаше от облака того ово венцы, ово *потирцы*» [57, л. 116]. Вот этих-то потирец-чаш не было в Основной редакции: «много венцевъ дръжаше» [39, с. 44]. Вставлен у И. Бедрина

и дополнительный призыв великого князя к войску: «Уже кои же ко своему потягнем!» [57, л. 114. Ср.: 39, с. 43].

Героика событий у И. Бедрина местами отличалась большей лиричностью, чем в Основной редакции «Сказания». Так, у И. Бедрина великий князь «вступи в златокованное свое стремя» [57, л. 95]. А в Основной редакции этого торжественного упоминания нет вовсе.

В списке И. Бедрина великий князь красиво «паде на колено *на ковылу зеленую*» [57, л. 106 об.]. В Основной же редакции сказано более сухо: «паде на колени свои» [39, с. 39]. Затем в списке И. Бедрина добавлена аналогичная деталь: великий князь отпустил своего брата «к дуброве *зеленои*» [57, л. 107 об.]. А в Основной редакции — только «отпусти <…> в дуброву» [39, с. 41]. Далее еще раз встречается такое же различие. В Основной редакции: «уклонишася <…> в дуброву» [39, с. 46]. Для И. Бедрина же дубрава — всегда лирически зеленая: «уклонишась <…> к дуброве *зеленои*» [57, л. 119 об. – 120]. В Основной редакции: «уклонишась <…> в дуброву» [39, с. 46].

Отношение великого князя к своему войску в списке И. Бедрина стало более мягким, чем в Основной редакции «Сказания». Великий князь у И. Бедрина неоднократно обращался к воинам ласково: «Братья моя *милая*!» [57, л. 118 об. – 119, 121 об., 122 об., 124]. В соответствующих местах Основной редакции этого эпитета нет [39, с. 45, 47, 48]. Со своей стороны воины у И. Бедрина обещали «головы своя класти за *ласкова* государя» [57, л. 112 об.]. В Основной редакции обещание воинов звучало официальнее: «главы своя положити за тебя, государя» [39, с. 42].

Относительная лиричность добавлений в списке И. Бедрина была не только мягкой, но и грозной. Например, обстановка перед битвой у И. Бедрина стала резко зловещей из-за добавления воронов: «многие же *вранове*, необычно собрашась, не умолкающе грающе» [57, л. 104 об.]; «*враном* яко играющим» [57, л. 108 об.]. В Основной редакции «Сказания» этих зловещих воронов нет [39, с. 38, 40].

Напряженность битвы И. Бедрин иногда тоже усиливал. Так, в пересказе И. Бедрина войско Мамая наступало «*зъзади и отвсюду*» на русское войско [57, л. 116]; а в Основной редакции «Сказания» было отмечено более общо: «Погании же начаша одолевати» [39, с. 44]. У И. Бедрина по этому начальному поводу сказано несколько эмоциональнее: великий князь «не моги беды тоя терпети» [57, л. 116–

116 об.]; а в Основной редакции зафиксировано спокойнее: великий князь «падение русскыя сыновъ не мога тръпети» [39, с. 44]. В списке И. Бедрина великий князь во время битвы жалуется Богу на врага: «предстоя на ны, коромолу деет» [57, л. 116 об.]; а в Основной редакции нет такой жалобы.

Наконец, победа над Мамаем представала в пересказе И. Бедрина даже более значительной и торжественной, чем в Основной редакции. Дело не только в таких мелочах, как, например, у И. Бедрина «погани <…> даша плеща своя на раны» [57, л. 117 об.], а в Основной редакции — скупо: «даша плещи» [39, с. 45]; или, по И. Бедрину, великий князь «крепко биющеся палицею своею *железною*» [57, л. 119]; а в Основной редакции палица не железная [39, с. 46]. Или еще: после победы великий князь в списке И. Бедрина принялся «ездити по *грозному* побоищу» [57, л. 121–121 об.]; а в Основной редакции — без эпитета: «ездити по боищу» [39, с. 47], т. е. упомянуто чисто фактографически: ездить по месту прошедшего боя, а не побоища.

И. Бедрин старательнее подчеркнул победоносность Куликовского события. У него русское войско после окончания битвы не осталось малочисленным: «доступаху, *яко дождь*, под свое знамя» [57, л. 118 об.]. В Основной редакции такого необычного сравнения нет [39, с. 45]. Кстати говоря, нет его и в других редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», что подтверждает самостоятельность И. Бедрина в обработке памятника.

Добавил И. Бедрин и нотку победной торжественности. Укажем только самые выразительные добавления. После битвы великий князь воскликнул: «Тако будетъ победе державе Господнии!» [57, л. 109]. Нет этого державного восклицания в Основной редакции (ср.: [39, с. 40]). У И. Бедрина русские воины «поюще песни <…> *победныя*» [57, л. 122 об.]. Этого эпитета тоже нет в Основной редакции [39, с. 47]. Один из бояр в списке И. Бедрина говорит великому князю: «А помиловал Бог землю Рускую» [57, л. 124]. И этих слов нет в Основной редакции [39, с. 48]. Наконец, расширил И. Бедрин славословие погибшим: «вам, отцы и братия, вечная память до окончания века, а сыновом руским одоление и похвала во веки» [57, л. 124–124 об.]. Подобного добавления нет в Основной редакции «Сказания» [39, с. 48].

И последнее. Перед тем, как приставить к «Сказанию о Мамаевом побоище» большой отрывок из «Задонщины», И. Бедрин трижды по-

вторил как бы взволнованный рефрен: «Сия убо оставим, на первое возвратимся» [57, л. 123, 124, 125]. И затем из «Задонщины» переписал обширный жалостный плач русских жен о погибших мужьях [57, л. 125–127].

Причем приставка дополнительного текста к «Сказанию» не была механической. «Сказание» и текст, дополнительно добавленный после «Задонщины» в списке И. Бедрина, оказались связаны фразеологически. В самом начале «Сказания» был помещен заголовок со следующим высказыванием: «возвыси Бог *рог* крестьянским на поганых и уничижи ихъ, *зосрами* их *суровство*» [57, л. 81]. А в конце списка пересказано сходно и с переосмыслением слова «рог» в слово «род»: «в последние *роды* и на *посрамление* и *уничижение суровымъ* сыроядиемъ» [57, л. 127 об.].

Кроме того, в списке И. Бедрина сохранилась старая текстологическая связь «Сказания о Мамаевом побоище» с «Задонщиной». «Сказание»: «суженое место на поле Куликове, на речке на Непрядве» [57, л. 124 об.]; добавленный отрывок из «Задонщины»: «на поле Куликове, на речке на Непрядве, на их суженом месте» [57, л. 126 об.].

В конце концов, чего хотел И. Бедрин? Художественную сторону «Сказания о Мамаевом побоище» он вовсе не ценил, равнодушно сокращая или бегло пересказывая многие выразительные места «Сказания». Он в основном логически подчеркивал героичность и трагичность Куликовских событий. Иными словами, И. Бедрин последовал цели автора «Задонщины»: «написахом жалость и похвалу» [21, с. 97].

В заключение выскажем три замечания. Во-первых, пока остается все-таки неясным, сам ли И. Бедрин перерабатывал текст «Сказания о Мамаевом побоище». Тут требуется анализ всего бедринского сборника. Возможно, И. Бедрин просто скопировал свой протограф.

Во-вторых, нужно задуматься о некоем тяготении писцов XVII в. присоединять «Задонщину» к «Сказанию о Мамаевом побоище». Ведь Л.А. Дмитриев указал еще два списка XVII в. «Сказания» с разными прибавками из «Задонщины» — РНБ. Собр. Погодина. № 1555 и ГИМ. Собр. Уварова. № 1831 [41, с. 427–428]. Касалась ли эта манера присоединений только «Сказания о Мамаевом побоище»?

В-третьих, почему в 1688–1689 гг. ярославский посадский человек И. Бедрин составил сборник воинских повестей со «Сказанием о Ма-

маевом побоище»? Не связан ли этот труд с «жалостью и похвалою», вызванными русско-турецкой войной 1672–1681 гг. и неудачными крымскими походами 1687–1689 гг.?

Мы ограничимся только вопросами без ответов, так как данная статья посвящена выявлению литературных особенностей бедринского списка «Сказания о Мамаевом побоище».

9. Предметно-бытовой фон старопечатного «Пролога» 1696 г.

В «Прологе» неохватное количество повторяющихся мотивов. Есть, хотя и второстепенный, вещевой фон в статьях «Пролога», интересный с литературной точки зрения. В данной справочной статье мы только кратко перечислим некоторые реальные предметы быта, упоминаемые в проложном повествовании: одежда, другие вещи, объекты окружающей природы. Оставляем в стороне ужасные и многочисленные обозначения орудий пыток христиан.

Материалом для наблюдений в данном случае выбираем более чем трехтысячестраничный московский старопечатный «Пролог» 1696 г., в котором древнерусский текст окончательно стабилизировался после неуклонного редактирования его состава и стиля на протяжении полувека. Результаты наблюдений удобнее излагать по месяцам «Пролога», выясняя различие их предметного фона (разумеется, не с абсолютной полнотой).

Сентябрь

Одежда. Из бытовых деталей в проложных статьях за сентябрь чаще всего кратко и уважительно описывались богатые или же заметные одежды положительных персонажей: святые «все белыми одеждами и блистающимися одеваху себе» [27, л. 5 об. Память Иоанна Константинопольского]; «некия клирики <…> одеяны одеждею иерейскою белою. И паки другий чинъ иерейский обложенъ ризами багряными» [27, л. 33 об. Повесть о некоем иерее и о Созонте-диаконе]; «наложи ризы белы и христианина себе исповедавъ» [27, л. 57. Память Порфирия, иже от Мимон]. Нищенское же рубище тоже приобретало значительность: «видехъ нища, в рубехъ идуща, и над главою его стояше обличие господа нашего Иисуса Христа» [27, л. 65 об. Слово о милостыни].

Иногда одежда (женская) выступала в непотребной ситуации: «Диаволъ же многажды показуя людемъ в келлии святаго овогда сапоги женския, овогда же мониста <…> яко дева <…> потече пред всеми» [27, л. 23. Память Иоанна Новгородского].

Некоторое внимание к одежде в статьях «Пролога», конечно, объясняется хорошо известной социальной знаковостью этой детали. Рассуждений по поводу роли одежды в «Прологе» нет. Но вот знаменательное замечание: «нищий <…> проситъ <…> одежды просты» [27, л. 34 об. Поучение на рождество Богородицы].

Вещи. Относительно часто также упоминались в проложных статьях домашние вещи, принадлежавшие опять-таки положительным персонажам. Игумен, живший в пещере, имел постель, но «ни спяща на рогозине, ни на постели, но чрез нощь седя, плеташе кошницы (*корзины*) ветвми финичными» [27, л. 59 об. Слово о Дорофее-пустыннике]. Предметы обихода были бедными и некомфортными. Свеча мешала засыпать: святой «вервь малу к свещи прилетивъ. Да внегда пригорети свещи, падше вервь в лаханю и творяше клокотъ» [27, л. 6 об. Память Иоанна Константинопольского]. Рукомойник беспокоил: «начатъ бо диаволъ трепетати въ рукомойнике. Святый же огради умывалницу крестомъ» [27, л. 22 об. Память Иоанна Новгородского]. Котел того и гляди обварит: «котлу врящу и искипевающу, и сочиву преливающуся, и не обретшу наскоре потребную лжицу» [27, л. 79 об. Память Коприя].

Все это — обыденная обстановка монастырей и келий. Тем и объясняется ее убогость. Что-то же необычное было вредоносным: пресвитер сидел у церкви, «и се духъ неприязненъ идяше къ нему во образе облака темна и мрачна и возложися, аки клобукъ, на главу его <…> обретоша его, яко мертва» [27, л. 3 об. Чудо Симеона о пресвитере].

Объекты природы. Ближний мир вокруг положительных персонажей «Пролога» мыслился благоприятным и даже аппетитным. Пастух «вшедъ же некогда къ дубу велику, идеже бе вода» [27, л. 20 об. Память мученика Созонта]. Обилие плодов: «Бе же ту древа, имущая плодъ. Прилетающе же птицы, ломляху ветвие со овощиемъ <…> относятъ с ветвиемъ плоды» [27, л. 41–41 об. Память трех жен, обретенных в горé]. Яблоки — вкуснейшие: монастырский повар «три яблока <…> осязавъ и уханию благовония удивлся <…> красныхъ

онехъ яблокъ сладости и ухания насладитися» [27, л. 44 об. – 45. Память Еуфросина]. Дров, т. е. хвороста, — множество: «старецъ нося бремя дровъ на продание» [27, л. 34 об. Слово о Мурине-древосечце]; «со ослятемъ на гору шедшу дровъ деля, и начатъ дрова сбирати» [27, л. 79 об. Память Коприя]. Наконец, даже облако небесное было благостно: «И се облакъ малъ, яко мгла, излия на главу ему воду и масло» [27, л. 108. Страсть Дады и Гаведдая]. По отношению к праведникам люди могут быть жестоки, но природа, в том числе звери, как правило, дружественны.

Буйство природы подчинялось святым персонажам «Пролога». Так, один и тот же святой мог усмирять бурю и насылать ее: «бури велми бывши <…> море в тишину преложи», но потом «помолися Богу <…> и абие бысть буря, и мнози ветры, и исхождения дождемъ» [27, л. 6–6 об. Память Иоанна Константинопольского]. Святой мог не подчиняться законам природы: вот спустили «его плотъ съ мосту и пустиша внизъ по реце <…> паче бо естества пойде плотъ по Волхову-реце со святымъ вверхъ противу неизреченныхъ быстринъ» [27, л. 23 об. Память Иоанна Новгородского].

Наконец, в редких случаях упоминания предметов или существ в «Прологе» использовались, переходя в символику. Например: веревка — связанность: «И принесше ужя людие <…> елицехъ свяжете на земли, будутъ связани небесехъ» [27, л. 7–70 об. Слово о пресвитере, его же связа епископ от службы]; голубица — полет: отец и мать преподобной «оба, аки голубице, прилетаста <…> ко образу пресвятыя Богородицы <…> Богородица вдающи има голубицу в руку <…> мати же святыя <…> виде себе крылату и возлетающу» [27, л. 86–86 об. Памяти Ефросинии Суздальской].

Однако это иное литературное явление, которое мы не будем затрагивать далее.

Октябрь

Одежда. В отличие от сентябрьских статей в октябрьских статьях «Пролога» упоминалась преимущественно ветхая и рваная одежда персонажей. Один полуголый страдалец представал «токмо во единой ветсей моей срачице <…> во гнусне ризе и раздранне» [27, л. 222. Слово о Мусхе-десятиннике], другой, оказавшийся женщиной, «одеждею одеянъ ветхою» [27, л. 240. Слово о святой старице]; третий

персонаж, обезумев, «вземъ ножь <…> и совлекъ съ себе ризу, нача дробити и́ на платы, яко неистовъ деяся» [27, л. 123. Слово об Андрее Юродивом]. В лучшем случае святого заставали не в лучшем виде «стоящу во единой власянице и не обувену в сандалия» [27, л. 237 об. Память Авраамия Ростовского]. Иногда в келье наблюдался прямой срам; некий старец признавался: «в келлии моей <…> видехъ отрока <…> в скомраши одежди» [27, л. 195. Слово о плясавшем бесе пред монахом].

Преобладание плохой одежды в октябрьских статьях «Пролога», скорее всего, получилось случайно, оттого что в октябре поминались в основном люди незнатные.

Вещи. Упоминаемая утварь, конечно, была бедной, но еще и присутствовавшая в умиленно-трагической ситуации. Зловещая лепота: злодей сжег мощи священного епископа Павла, «и пепелъ лопатою развея» [27, л. 212. Страсть Арефы]. Слезный убрусец: раскаявшийся свирепый разбойник долго исповедался, «и своимъ убрусцемъ утирая своя слезы, предаде духъ» [27, л. 183. Слово о разбойнике, спасшемся малых ради слез]. Жалкие книжечки: голодный узник «писаше, седя в темнице, книжицы в научение детемъ» [27, л. 127 об. Память Гурия Казанского и Варсонофия Тверского].

Объекты природы. Интересно, что предметы или существа, относящиеся к природе, были ущербны или вредоносны в октябрьских статьях «Пролога». Разбойник сжег скромный шалашик, где обитал преподобный: «одежду ему сдираше и колибицу ему мучитель сожже» [27, л. 121 об. Память Иоанна Хозевита Кесарийского]. Другой преподобный тоже жил в тесноте: «вселися в пустыню <…> и в дуплено древо вшед» [27, л. 192 об. Память Иоанна Рыльского]. Комары заедали монаха: «от комаровъ лица ему не видети суща» [27, л. 117 об. Память Саввы, жившего над Вишерою-рекою]. Даже прогулки у моря были смертельно опасны: некий князь «по песку морскому тому ходящу, лютый змей обися ему <…> и мертва сотвори его» [27, л. 141. Память Сулиана-пресвитера и Кесария-диакона].

В общем, октябрьская часть «Пролога» оказалась, судя по предметным деталям, более печальной, чем сентябрьская часть.

Ноябрь

Одежда. Ноябрьские статьи «Пролога продолжала упоминать плохие одежды персонажей: «рубы власяными <…> обложивъ себе» [27, л. 248. Память Маркиана, иже от Кира], «худыми рубы облеченъ» [27, л. 365. Повесть Варлаама ко Иоасафу]; «два мужа растерзана ризама и сквернама оболчена суща» [27, л. 385 об. Притча Варлаама о богатых и убогих] и др.

Но появилось нечто новое — прекрасные одежды в чудесах: «Внезапу же убо прииде къ нему аггелъ Господень во одежди светле» [27, л. 316. Слово о поставлении Иоанна Златоуста иерееи]; «виде <…> стояшыя святыя мученики Бориса и Глеба во одеждахъ червленых» [27, л. 366. Память Александру Невскому].

Ноябрьский уклон в чудеса был явно выражен. Все **объекты природы** в ноябрьских статьях «Пролога» связаны с чудесами. Мертвое дерево вдруг моментально ожило: «Сухое древо вкоренився, внезапу ветви и плоды зрелы принесе, меровную сладость и благую каплющи, и от корене источнику истекшу» [27, л. 320 об. Память апостола Матфея]. Жезл превратился в дуб: чудотворец «жезлъ постави в реку, иже в дубъ великъ бывъ» [27, л. 325. Память Григория Неокесарийского]. Удивительная река: некий философ «прииде на реку <…> и се прииде коркодилъ, и взятх и́, и принесе на онполъ» [27, л. 253. Слово о терпении и послушании].

Естественно, не всегда объекты природы представали благоприятными. Дуб оказывался опасным: некий крестьянин «от солнца же угоревъ, тече под дубъ отдохнути <…> змия приползши, вниде во уста его и вселися во чрево его» [27, л. 246 об. Чудо Космы и Домиана]. Озеро таило опасность: «исхождаше из озера того змий» [27, л. 357 об. Успение Михаила-воина]. Пепел нес гибель: с неба «сходящее же бяше прахъ чернь и зело горящъ, подобящься пещному праху, рекше пепелу <…> и пожже и попали, яже от земли прозябшая былия» [27, л. 260 об. Память падшего праха от воздуха].

Описания **вещей** не было в ноябрьских статьях «Пролога».

Различия в «настроении» проложных месяцев, думается, зависели от помесячного состава церковных праздников, а также от «жанра» и величины статей, а возникли ненамеренно у составителей «Пролога».

Декабрь

Упоминаний предметов в декабрьских статьях «Пролога», даже обширных, очень немного. Здесь преобладает множество мелких статей, а также немало поучений.

Одежда описывалась крайне редко, и она мучительна: «Ризу же едину во облачение имеяше от остры волны (*шерсти*). Постеля же ея бяше настлана камениемъ острымъ и съ верху покрыта рубы острыми» [27, л. 537 об. Память Феодолы, яже от Кесарии].

Вещи в декабрьских статьях «Пролога» тоже были малочисленны. Вещи положительные: «Великъ узолъ злата», «некий сосудъ златъ» [27, л. 416 об., 429. Статьи о Николае Чудотворце]; «одръ <…> златымъ блистаниемъ <…> настланъ» [27, л. 484. Память Феофании, супружницы царя]. Но иногда — вещи отрицательные: то статья упоминала «кадь утлу» [27, л. 401. Слово Арсения о делах человеческих], то сообщалось о том, что «бесы <…> бияху въ бубны, друзии же — в козицы (*волынки*), и в сопели (*свирели*) сопяху» [27, л. 508. Память Нифонта-монаха]. В общем, вещевая картина декабря в «Прологе» отличалась неопределенностью.

Зато **объекты природы** в декабрьских статьях были явно вредными. Озеро едкое: персонаж «иде в езеро вреждающее, и погрузися до ноздрей, и пребысть часъ, и бысть, яко трудоватъ (*больной*) <…> едва его позна» [27, л. 410 об. Память Кариона-монаха и Захарии, сына его]. Смола опасная: «вскипевши ей, и наченши дутися, и клокотати» [27, л. 436 об. Память Павла-повинника]. Окружающая среда агрессивная: «мухи превеликия <…> на очи ему и на ноздри лезуще <…> змия нападаютъ на блаженнаго <…> и под нимъ змии гомжаху (*шевелились*) <…> и за край свиты змий своими зубы емся» [27, л. 453 об. – 454. Память Фомы Дефуркина]. Даже птицы и рыбы хищны: «птицамъ же летавшымъ и во очи ему белмо от кала сотворившымъ <…>. И се рыба велика изыде на пожрение его» [27, л. 457–457 об. Слово о Товии Милостивом]. Однако в единичных случаях происходило и благоприятное в природе: «древо сухо <…> оживе древо и плодъ сотвори» [27, л. 532. Слово о Иоанне Колове].

Ясно, что составители старопечатного «Пролога» вовсе не ставили перед собой отчетливой изобразительной цели, да и предметные детали в статьях были бедными (кроме, конечно, изображения мучений христиан). Изобразительный оттенок в скупых упоминаниях предме-

тов появлялся благодаря традиционным эстетическим ассоциациям того времени, неизменно прибавлявшихся к определенным словам и выражениям в том или ином контексте.

Январь

Упоминания предметов в январских статьях «Пролога» были совсем малочисленны и не вносили ничего нового. Та же бедная и грубая **одежда** персонажей: «от дивнихъ козъ волняны (*шерстяные*) ризы нося» [27, л. 639. Память Мара-певца]; «одежда бо его от вишня плетена» [27, л. 606. Память Моисея-черноризца]. Из домашних **вещей** упоминали разве что в келье «свещу, горящу пред ним» [27, л. 598 об. Память Михаила уродивого, иже на Клопске]. **Объекты природы** точно так же показательно были некомфортны и даже мучительны: «святый обрете древо дуплено великое, глаголемое липа, и в него вселися» [27, л. 594. Успение Павла Комельского]; «худаго гомзания (*ползания*) мухъ, и комаровъ, и мшиц не можемъ терпети, но вертящися на постели своей» [27, л. 609 об. Наказание о небесном царствии и о вечной муке].

Февраль

Февральские статьи «Пролога» тоже скупо упоминали предметные детали, отчасти оттого, что содержали много поучений. Однако некоторое внимание в статьях все-таки было уделено **одежде**, конечно, бедной: «Но постеля твоя <…> и поясъ твой, и сапози да будутъ <…> худы» [27, л. 704. Слово о плаче]; соответственно, святой только «корами древесными обльченъ» [27, л. 746 об. Память Агапита Синайского]. Упоминалась даже мерзкая одежда: некая обольстительница «отложивши нищавную одежду, украси себе блудною одеждею» [27, л. 733. Память Мартиниана]; дьявол «имяше же ризу космату, и при коемуждо косме тыковца висяше» [27, л. 701 об. Слово о Марке-монахе].

Упоминания о других предметах в февральских статьях были единичны. Осуждались вещи удобные: «Пришедъ спати на постелю мякху и периемъ совершену, не угодно дело телу творю» [27, л. 677. Слово о добром хотении и о злом]. Из убогой утвари можно заметить только «тыквицу воды» [27, л. 780. Слово о Улиане-монахе].

Объект природы, где пребывает персонаж, был описан фактически лишь однажды: «древо велие, именуемо ель <…> и сотвори себе

блаженный под темъ древомъ хижицу, древа того ветвей уторгнувъ» [27, л. 685. Память Кирилла Новоезерского].

Предметный мир старопечатного «Пролога», несмотря на мелкие вариации, был довольно однообразен и лаконично обозначен.

Март

Ничего принципиально нового в предметный мир «Пролога» не добавляли мартовские статьи. **Одежда** персонажей крайне бедная: «наложи расу власяную втай <…> и ношаше на плоти назе», и потом «облечеся в нищая и раздранныя ризы <…> облаченъ <…> ветхими и непотребными ризами» [28, л. 62 об., 63 об. Житие Алексия, человека Божия]. **Вещи** убогие: сломанное решето «для сеяния пшеницы», единственный маленький сосуд для воды, рогожа вместо постели, «умывальница» и пр. Однажды вдруг была упомянута свирель, но как вещь грешная у разбойника: «Онъ же абие повергъ свирель и песни своя свирельныя преложивъ на духовныя» [28, л. 149 об. Слово о разбойнике спасшемся]. **Объекты природы** бесчеловечные: святой «ввержеся в ядовитую кропиву» [28, л. 49 об. Память Венедикта]; «вертепъ тамо, исполненъ сущь змий, и скорпий, и гадовъ всяких»; и только чудо внезапно создавало что-то величественно благоприятное: «насади <…> финикъ, и абие вкоренися, и возрасте, яко дуб совершенъ, и процвете, и бысть плода исполненъ» [28, с. 156, 157. Память Иоанна, иже на студенце].

Таким образом, если что-то случайно и добавлялось с каждым месяцем «Пролога», то относительно редкостные предметные детали.

Апрель

Много поучений и кратких статей в апрельских статьях «Пролога», и отсюда совсем мало упомянуто здесь предметных деталей. Можно отметить лишь ухудшение и дальнейшее обеднение **одежды** и **вещей** у персонажей: «одежду на себе от овчих жестоких кожъ» [28, л. 17 об. Представление Евфимия Суздальского], а то и даже женщина «подвизася без покрова, нага» [28, л. 169 об. Память Марии-египтяницы].

Постели ужасны: «Одръ бо бяше ему земля, кожею покровена» [28, л. 181 об. Память Иосифа-песнописца]; или же без покрова: «постеля же ея бе от камения дробнаго складена» [28, л. 211 об. Память Афанасии-игумении].

Если же крайне редко вдруг в рассказе возникал предмет, облегчающий жизнь, то в виде рухляди. Например, печурка: монах-инвалид «растопи пещь в пещере, и яко разгореся пещь, беже убо пещь утла, и нача палити утлизнами (*через щели*) <…> пламени уду же исходитъ» [28, л. 261. Слово о Исакии-монахе].

Май

Майские статьи «Пролога» любопытны причудливым сочетанием хороших и плохих предметов для персонажей повествования. **Одежда:** упоминаются и сохранившаяся новенькой погребальная одежда у святых в могилах, и драные рубища у живых страстотерпцев; а то вдруг мужчина предстает в женском наряде: «Самъ же въ той одежди женстей <…> главны́мъ увясломъ (*повязкой*) увився» [28, л. 394. Память Феодоры и Дидима].

Вещи, как правило, выглядели благоприятными в майских статьях «Пролога». Нечто вроде большой ванны имелось у святого: «Его же омыти хотяше и положища во умывалницу» [28, л. 307. Слово похвалное на память Николая Чудотворца]. У монаха — дорогая посуда: «имущу ему сосуды зело хитры рукоделием» [28, л. 380. Память Михаила-черноризца]. Бедняку щедро заплатили за скромный ковер: «даде шесть златникъ великихъ <…> не достояше коверъ того» [28, л. 311 об. Чудо Николая о ковре].

Но тут же посуда представала и в ужасном состоянии: «начатъ жена омывати мясо <…> вложи въ горнецъ (*горшочек*) и начатъ варити, и виде въ горце кипящу кровь» [28, л. 386. Представление Никиты-столпника].

Объекты природы тоже чередовались — то приятные, то мучительные. Вот места для отдохновения: «место то потребно зело и частостию леса остенено» [28, л. 280 об. Память Пафнутия, иже в Боровске]; «изшедше из колибы (*шалаша*) въ годъ зноя и возлегшу на земли, хотя мало почити от трудовъ» [28, л. 341. Память Ефросина Псковского]; «положенъ бысть под дубомъ <…> близъ водотечи» [28, л. 303. Память пророка Исаии].

Но вот и тяготы: «блаженный устроивъ себе кущу (*шалаш*) въ хврастии непокровену <…> среди блатца некоего <…> тело свое на землю пометаше» [28, л. 336 об. Представление Исифора Твердислова]; «место <…> ищущо тростие и блато <…> вержеся нагъ<…>

въ тростии лежаща, и мшицамъ и комаромъ, яко облаку велику, над нимъ стоящымъ, яко ни плоти его познаватися и мнозей крови текущи от него» [28, л. 386 об. Представление Никиты-столпника]. И совсем погибель: «наводнившися реце той зело и потопи монастырь той» [28, л. 371 об. Память Касиана-грека].

А ведь есть и фантастически счастливый эпизод, связанный с рекой: некий постник «влезе въ реку, и придоша крокодили, и лизаху тело его, и не вредиша и́» [28, л. 280 об. Слово, яко послушание боле есть постного жития].

Такая эмоциональная пестрота майских статей «Пролога» наводит на шаловливое предположение о какой-то связи весенней неустойчивости погоды с менявшимися настроениями проложных эпизодов мая.

Июнь

Июньские статьи «Пролога» в подавляющем большинстве беспредметны, одежда и вещи фактически не упоминались (лето?), из редких замечаний об объектах природы, пожалуй, лишь одно было не шаблонным: отшельник «постави себе келлицу малу при некоемъ древе <…> ягодичие имать черное, зовомо черемха. И некий человекъ <…> снеде ягоду от того древа и абие получи здравие» [28, л. 415. Память Дионисия, игумена глушицкого]. Но в запланированности предметной бедности майских статей «Пролога» вряд ли можно быть уверенными.

Июль

В июльских статьях «Пролога» предметный фон полностью отсутствовал, кроме начальных статей, где содержался обычный совет: «приодежи простейшею одеждею нагаго» [28, л. 530 об. Слово о милостыни и о смирении], а также упоминалась как раз необычная ситуация с одеждой: «Ризы же и сапози не ветшаху, ни драхуся въ нихъ» [28, л. 542 об. Слово Иоанна Златоуста о жидехъ]; и еще была отмечена красота одежды: «на ней же бе рукавъ от ризы некия сукняныя, сукна вишневаго, ветхъ» [28, л. 554. Сказание о явлении иконы Богородицы в Казани].

Такое впечатление, что по ходу месяцев к концу года составители «Пролога» все сильнее выжимали бытовые детали из текста статей.

Август

Как и следовало ожидать, августовские статьи «Пролога» не внесли ничего нового в скудный состав упоминаемых предметно-бытовых деталей. Те же наставления: «вретище же носити <…> и еже без обущи ходити, на земли же легати» [28, л. 710. Поучение Василия Великого]. Те же персонажи: «Одежда же его бе свита толста и искропана велми, яко рубищемъ на ризу его многимъ изошвеннымъ быти» [28, л. 758. Память Александра Свирского].

А если кто «оболкся окаянный въ красныя ризы <…> абие отече ему чрево и изшедшу ему на проходъ (*отхожее место*) <…> и обретоша главу его в сопли (*отверстии*) проходнемъ, и нозе его горé торчащя» [28, л. 716. Слово о некоем епископе-преступнике].

В целом, предметно-бытовой фон на всем протяжении «Пролога» 1696 г. был очень слаб и единообразен. «Точечные» упоминания одежд, вещей и природных объектов вокруг персонажей неявно настаивали на давящем правиле: надо жить бедно и тяжко. Такое гнетущее настроение вполне соответствовало общественному, правительственному и военному кризису в России самого конца XVII в.

10. Формы изложения в «Повести о португальском посольстве»

Второе название этой непутевой повести (по списку первой половины XVIII в. БАН. 13.6.8) — «Историа о португалскомъ и брандебургском мудрецахъ». Датируют повесть концом XVII — началом XVIII в. Думается, повесть эту можно больше отнести к началу XVIII в. на основании, правда, очень шатких исторических параллелей.

Одним из персонажей повести является не названный по имени бранденбургский король: «брандебурской земли краль» [25, с. 468]. Но бранденбургский герцог принял титул короля лишь в 1701 г., а его единственный выживший сын женился в 1706 г., однако не на португальской королевне, а на немке. Если считать, что в повести крайне смутно отразились обстоятельства немецкой истории начала XVIII в., то допустимо склониться к датировке повести началом XVIII в.

Внешне повесть составлена из единообразных вопросов и ответов, но на самом деле эта поделка состоит из разных по теме и структуре форм изложения. Сначала идет «диалог» жестов между двумя мудрецами; затем следуют произносимые ими богословские вопросы и

ответы; после — уже бытовые загадки и отгадки; далее — биографические данные об одном из мудрецов; потом — всяческие бытовые небылицы об огромном сыре, о колоссальном быке, о гигантской тыкве, о величайшем капустном листе и о храме выше облаков и пр.; сменяются небылицы нелепыми советами о выращивании яблок и огурцов и двумя анекдотами о слепом и глухом и о пустыннике и бесе; затем вперемешку добавлены: пространная и велеречивая загадка о бумаге, буквах и книге; непонятная загадка, кажется, о прелюбодеянии; небылица о кухонном котле величиной с озеро; загадка о смерти; завершает же повесть кулинарная тема и рецепт «Сказание, како делати пирогъ про свой обиход без муки и воды, ни печен, ни варенъ, ни жаренъ» [25, с. 483].

Из приведенного перечисления видно, что повесть скроена из разных лоскутов, подобно шутовскому наряду.

Нелепость повести усугубляют ее персонажи. Так, в начале повести говорится о дочери португальского короля, которая названа прекрасной и «премудёрой» и сравнена с древнегреческой речной нимфой Никастратой. Но почему же при всей своей премудрости не сама дочь или ее отец беседуют с женихами, но поручают решить ее судьбу диспуту мудреца со стороны невесты и мудреца со стороны жениха. Мало того, двусмысленным кажется сравнение королевской дочери с Никастратой — уже вовсе не девой, неверной женой, преступницей и очень предприимчивой в экономических делах.

Далее нелепости продолжаются. Соревнуются два мудреца — португальский и бранденбургский, причем португальский мудрец постоянно попадает впросак, не понимая низменного смысла или бессмысленности либо остроумия ответов бранденбургского мудреца. Вопросы португальского мудреца бранденбургский мудрец оценивает очень низко. Иногда португальскому мудрецу отвечает даже не мудрец бранденбургский, а его слуга.

Бранденбургский же мудрец — издевательски вовсе не мудрец, а «от проста некто, и несълавна рода, и весма не имый ни от кого чести <…> последний королевские державы человек» [25, с. 469].

Португальский король придурковат: ничего не понимает, присутствуя на диспутах мудрецов, пока ему не объяснят, все время удивляется и требует подать ему вопросы и ответы в письменном виде.

Перед нами не сказка, не сатира, не залихватский юмор, свойственный русским сочинениям XVII в., а тяжеловесное шутовство, вероятно, имевшее немецкие корни.

11. Заметка об особенности изображения Василия Златовласого в одноименной повести

Исследователей этого памятника интересовал преимущественно один трудный вопрос — происхождение повести, так и остающееся неясным [3]. Внимательный текстолог и публикатор повести В.П. Бударагин выделил две ее редакции — Краткую и Пространную [2]. Содержание их в общем одинаково.

С чисто литературной целью обратимся к Пространной редакции повести по списку РНБ. Собр. Погодина. № 1603, первой половины XVIII в. (датировка А.Ф. Бычкова [13, с. 270]). Вот перед нами текст — что есть, то есть. Как не автор, но, скажем так, рассказчик относился к главному герою повести — Василию Златовласому?

В первой половине повести этот Василий — крайне обходительный персонаж, не говоря уж о постоянно отмечаемой «красоте лица его» [25, с. 393], он «человекъ учтивой и смиренъ» [25, с. 399]. Все хвалят «такова молотца умнаго <…> прекраснаго <…> благочиннаго и разумнаго» [25, с. 393]. К тому же Василий — искусный музыкант: он способен «в гусли играти от премудрости своея зело дивно» [25, с. 392], так что нельзя не танцевать: «вси во граде и на дворе кралевскомъ танцовать стали» [25, с. 392], «и король, и кралева ево, и вси, ту предстащии, начаша танцовати» [25, с. 393].

Более того, Василий недаром назван златовласым — не только потому, что «власы у него, аки злато, сияютъ» [25, с. 389]. Это признак лучезарного богатства героя. Он буквально купается в золоте: «поставленъ бысть на златом коврe и осыпанъ златыми червонцами» — «з головы до ногъ» [25, с. 394]. Василий регулярно держит в руках золотые вещи: «златую чашу» [25, с. 390], «десять тысящь златых червонцов» [25, с. 395], «перстень златый» [25, с. 396]; «златую и драгоценную чепь» [25, с. 398]; «златый венокъ и драгий, устроенный з драгоценными камении» [25, с. 403]. И даже якобы во сне, по его словам, Василий то видит олениху, а на ней «златую чепь» [25, с. 400], то еще ему привиделась «лань златорогая», а на голове ее «златый венокъ» [25, с. 403].

Однако со второй половины повести облик Василия меняется. Он предстает хитрым и жестоким мужчиной. Всё незаметно начинается с неприязненного замечания в его адрес: «Василий, играеши непригоже, впредки такъ не твори» [25, с. 393] — своей музыкой он всех усыпил так, что «вси сущии с ним начаша крепко спати» [25, с. 393]. Затем Василий не раз «прикинулся, яко пьянъ» [25, с. 395, 398, 400], «шатаяся, яко пьянъ гораздо» [25, с. 396]. Потом заманил «прекрасную девицу» Полиместру к себе в дом, жестоко избил: «обнаживъ ю донага. И взялъ плеть-нагайку и нача ю бити по белому телу» [25, с. 401], «бивъ ея много», и изнасиловал: «положив ю на кровать свою и растливъ девство ея» [25, с. 402], несмотря на ее мольбы. Мало того, Василий злорадно прибил «листъ» на воротах своего двора с объявлением, что Полиместра им «поругана и растлена» [25, с. 404]. А после злобно отказывался на ней жениться, когда родители Полиместры дважды присылали ему «листы» с мольбой: «листъ прочте и передралъ его надвое <…>. Ныне же не хощу поняти» [25, с. 405]. И «едва» согласился, когда ему пообещали целое королевство. Куда делась его обходительность?

Нет ни малейшего осуждения коварства и грубости Василия. Напротив, смакуются подробности расправы над Полиместрой: Василий «полату замкнувъ на крюкъ и снявъ с нее кралевское платье и срачицу» [25, с. 401], «кравлевна же зело убилась об стекляной полъ, поне же зело гладко и кольско» [25, с. 402].

Повесть (т. е. рассказчик) настойчиво объясняет, в чем дело. Все основные персонажи повести — люди знатные, королевского рода — заняты борьбой за честь. «Срамота» и «честь» — одни из самых повторяемых слов в повести. Персонажи постоянно опасаются: «срамоту приимешь себе» [25, с. 390, 391, 393, 394, 401]; «срамоты бы такой себе не учинилъ» [25, с. 391]. Оказываются «посрамленныи» [25, с. 391, 392] и «недоумении быша о таковей срамоте» [25, с. 403]. Обижаются: «безчестишь меня» [25, с. 392], «таковаго безчестия мне не твори» [25, с. 402]. Призывают и обещают: «имей над нимъ честь» [25, с. 394], «велию честь от него приимеши» [25, с. 401]. Довольны: «то мне и честь» [25, с. 401]. Самые благополучные эпизоды в повести, когда удовлетворена честь: «былъ в великой чести» [25, с. 395], «прия с честию» [25, с. 405], «в великой чести име», «велию честь им твориша» [25, с. 406].

Так что суть изображения Василия Златовласого в повести состояла в том, что благодушный герой, соответственно настроившись,

жестоко «безчестие отмъстилъ» [25, с. 403]. Ведь Полиместра назвала королевича Василия «смердовым сыном» [25, с. 390, 402, 405], и он это запомнил.

Столь болезненная забота о чести у персонажей повести, как можно предположить, отсылает нас ко времени не ранее XVIII в.

На XVIII в., как кажется, указывают еще некоторые предметные мотивы повести. Во-первых, увлечение элиты общества музыкой и танцами, в том числе под «гусли». Кстати говоря, то обстоятельство, как Василий опасался «дабы мне не разбити гусли» [25, с. 395, 398, 400, 401], косвенно отражало их увесистость. Эти «гусли» уже напоминают арфу, которая стала фигурировать в повестях именно XVIII в.

Во-вторых, гривуазный мотив богатой спальни Василия Златовласого в повести тоже соотносится с петровским временем. Василий «построилъ едину полату, где опочинъ ему держати, изъ стеколъ зеркалных <…> и в ней устроилъ и кровать себе из стекол же зеркальныхъ, лутче кровати кралевския» [25, с. 395] и регулярно показывал свою спальню девицам, и каждая особенно рассматривала кровать: «наипаче кровати его дивовалася» [25, с. 396, 399].

И все же есть подозрение, что «Повесть о Василии Златовласом» существовала до 1692 г. Дело в том, что сходный мотив золотых волос героя имеется в списке 1692 г. РНБ. Q.XV.28 [1; 17, с. 508–509] «Повести об Александре и Лодвике» (в составе «Повести о семи мудрецах»). Александр, усыновленный египетским королем, был «красенъ велми: власы главы его, аки злато чистое» [25, с. 240]. Соответственно, в его руках появляются золотые же предметы: «рукомойничекъ драгиѝ златый» [25, с. 242], «ларецъ из злата чистаго кованный» [25, с. 243], «златый кубокъ» [25, с. 254], «ризы от злата чиста драгия» [25, с. 264].

Сборник РНБ. Q.XV.28 написан писателем Тимофеем Петровым Каменевич-Рвовским [17, с. 508–509], который занимался переделкой переписываемых им памятников [12, с. 16–25], в том числе переделкой «Повести о семи мудрецах», включая и «Повесть об Александре и Лодвике». Поэтому можно предположить, что столь редкую деталь, как золотые волосы героя, Тимофей привнес в 1692 г. из «Повести о Василии Златовласом».

Однако в одном из списков редакции А «Повести о семи мудрецах» РГБ. Собр. Тихонравова № 12, 1670-х гг. уже встречается упоминание о золотых волосах у Александра: «красен, власы ж его, аки злато» [58,

л. 244 об.]. Кто у кого заимствовал эту деталь, остается неясным. Но, возможно, «Повесть о Василии Златовласом» — из «Повести об Александре и Лодвике» или откуда-то еще.

12. Литературоведческая типология древнерусских рукописных сборников непостоянного состава (постановка проблемы с точки зрения поэтики)

Это очень краткая обзорная статья о типах некоторых повествовательных рукописных сборниках непостоянного состава РГБ.

Научная традиция изучать рукописные повествовательные сборники как относительно цельные литературные произведения заложена трудами многих исследователей; особенно углублялись в эту тему Я.С. Лурье, И.М. Кудрявцев, О.В. Творогов, Р.П. Дмитриева, В.И. Малышев, Г.М. Прохоров.

Классификация сборников может быть разной в зависимости от специальности ученых. Наш подход — систематизация сборников по признакам литературным, т. е. по литературным интересам составителей сборников и конволютов. Вынужден констатировать, что подавляющее количество сборников непостоянного состава, даже если они содержат литературные произведения, тем не менее никакой внутренней литературной цельности не имеют, являясь, в сущности, хранилищами отдельных литературных памятников или литературных жанров.

Сборники с повторяющимися темами или мотивами

Это самая большая группа сборников. Начнем обзор со старейшего пергаменного сборника середины XIV в. РГБ. Троицк. собр. № 15 [47]. Сборник является судебником, называется «Мерило праведное», но обширная вступительная часть судебника по повторяющимся темам напоминает общественно-политическую **проповедь**. Составители ее неизвестны, однако речи их постоянно остры: «князи <…> зли бывають и лукави» [47, л. 16 об.]; «мнози глаголъ дають, а истину крадуть» [47, л. 30]. Идет борьба добра и зла: «въста <…> разбои на братолюбие <…> безаконие на хранение закона, и на многа злая деле-са всташа» [47, л. 5]. Следуют повторяющиеся глухие призывы к сопротивлению: «отвергъше зло, глаголите истину» [47, л. 53а] — одновременно к осторожности: «две уши имеи, а одинъ языкъ» [47, л. 23].

По-видимому, составители имели в виду иго Орды: «не томими ли есмы на всякъ день от поганъ?» [47, л. 8 об.]. Можно предположить, что в не совсем внятной форме «Мерило праведное» выразило тяготение русского общества к мобилизации сил против Орды.

Некоторые сборники непостоянного состава XV–XVI вв. демонстрируют внимание составителей уже к совершенно иной теме — к **книжной образованности** общества и обличению невежд. Это уже другая эпоха. Таковы сборники РГБ. Троицк. собр. № 748 второй четверти XV в., № 678 середины XV — середины XVI в. и № 793 XVI в., а также РГБ. МДА, Фунд. № 95 1557–1558 гг. Тема была очень почитаемой: «Море есть миръ, а вода — учение книжное <…>. Книги суть Христосъ» [50, л. 56]. В конце XVII в. появились пособия по риторическому изложению и составлению вирш. Таковым, в частности, можно признать сборную рукопись РГБ. Собр. Тихонравова. № 380, нацеленную на то, как «писать и глаголати добре» [66, л. 64].

В XVII в. появились, наконец, сборники с повторяющимися предметными мотивами. Так, в сборнике «слов» и житий РГБ. Собр. Тихонравова. № 72, составленном до 1621 г., преобладали страшные» мотивы: описывались разного рода опасные «гады», заполнившие «полаты» или колодцы; опьяняющие кубки, пугающие «гласы», всяческие бури и землетрясения, страх и трепет персонажей, мертвые тела. Неясно, было ли все это связано с бедами Смутного времени: «Вода топит; и зверь растерзает; и змии пожирает; молния палит; птицы разтерзают; скот <…> восверепе <…> умерщвляет человекы» [60, л. 62 об.].

Ассортимент тематических сборников непостоянного состава в XVII в. был разнообразен, как и вкусы и интересы их составителей, особенно во второй половине XVII в. Кого-то увлекали **путешествия** и география. Например, составитель сборника РГБ. Собр. Тихонравова. № 18 (после 1660 г.) собрал произведения о дальних путешествиях, преимущественно древних, по морям, по горам, по пустыням, даже в рай и ад. Путешествовали люди, ангелы, нечистые силы и даже сам Господь. Путешественники нередко рисковали: «несъ нас корабль во тму» [59, л. 18 об.]; «уже бо кораблю хотящу разбитися волнами великими» [59, л. 179] и пр. Аналогичные мотивы, в том числе мрачные, содержал сборник РГБ. Собр. Большакова. № 88 (не ранее 1667 г.): «скитаючи в сеи пустыни, в дальном диком лесе» [52, л. 78 об.].

Конечно, в течение XVII в. немало накопилось сборников на конкретные **военно-исторические** и **политические** темы. В их числе сто́ит упомянуть сборник РГБ. Собр. Большакова. № 435 конца XVII в. с не учтенными до сих пор списками «Повести о разорении Рязани Батыем» и «Сказания о Мамаевом побоище». Судя по интересу неизвестного составителя к отношениям с татарами и турками, включая его выписки «ис татарских книг, из летописца Шаншадинъ Хозина» [55, л. 245–247], сборник был создан в период русско-турецких войн и походов на Крым.

Политическая тематика в сборниках XVII в. была, если можно так выразиться, очень «прилипчивой». Даже в известном сборнике вирш РГБ, Тихонравов., № 411 самого конца XVII — начала XVIII в. политические сочинения и высказывания занимали важное место: «есть бо государство и многолюдно, да и мы бы были не в лишке» [68, л. 183 об.]; «несть от смерти обороны, понеже и царей снимает короны» [68, л. 226 об.]. Соответственно, в сборник были помещены, например, «Глас последний царя Алексея Михайловича» Симеона Полоцкого, разные грамоты об отношениях с крымским ханом, прусским королем и турецким султаном. Сборник был составлен в Вологде, а в это время Вологда являлась важным военно-политическим центром, куда неоднократно приезжал Петр I.

Наконец, возможно, больше всех было составлено бытовых сборников **нравоучительно-эмоциональных**. Впечатляет, например, миниатюрный сборник в 32-ю (!) долю листа РГБ. Собр. Большакова. № 325, писанный, очевидно, для себя каким-то пошехонским иереем в 1640-х гг. и наполненный чувствительными сентенциями: «слезами грехи гладатца» [53, л. 41]; «глаголи себе: “Господи, помилуй мя” непрестано, доколе вечерняя зоря потухнет» [53, л. 32 об.]. Наиболее лиричными у составителя получились ангелы: «сниде аггелъ Господень с небесе и станетъ в дверях» [53, л. 70 об.]; «аггели <…> крылы закрывающе лица своя» [53, л. 73]. Настроен был составитель очень мирно в соответствии с мирными социальными обстоятельствами благополучных 1640-х гг.: «Простые людие, повиновение и послушание к начальником имейте яко властемъ» [53, л. 14 об.].

Настроения составителей сборников подобного политико-житейского рода, конечно, различались. Так, сборник с посланиями Ивана Грозного в Кириллов монастырь РГБ. Троицк. собр. № 809 второй

половины XVII в. был пронизан мотивами людских наказаний и несчастий во время правления Ивана Грозного. Составитель включил в сборник даже большое анонимное «Послание печальнымъ человекомъ» [51, л. 2–18]. Кто и почему составил сборник — неизвестно. Потом сборник оказался в библиотеке боярина М.П. Головина, которого, возможно, привлекла тема опалы, в том числе царской, важная в этом сборнике (многие из рода Головиных попадали в опалу, а сам М.П. Головин поддерживал опальную царевну Софью).

Другой сборник, на этот раз притч и повестей, — РГБ. Собр. Пискарева. № 154 второй половины — конца XVII в. — посвящен горестным обличениям недостойного поведения людей, распространению пороков, волнениям житейским: «можем в добре жити, но не хощемъ» [56, л. 93 об.]. Впереди — катастрофы: «в будущем времени добра не чаи» [56, л. 80]. Настроение, созвучное кризису конца XVII в.

Строго говоря, первый в статье из упомянутых сборников РГБ. Троицк. собр. № 15 [47] тоже можно отнести к нравоучительно-эмоциональной группе кодексов.

Сборники же XVII в., выделявшиеся тематическим единством их состава, довольно разнообразны, они отвечали всем основным интересам русского общества того времени.

Сборники с изобразительным содержанием

Изобразительность изложения была свойственна некоторым сборникам с древних пор. Вот знаменитый нравоучительный «Изборник» 1076 г. РНБ. Эрмитажн. собр. № 20, со множеством мелких нравоучительных статей. В них нередко описывались позы людей: «Буди понижен главою <…> очи имея въ земли <…> уста сътиштена <…> нози тихо ступаюшти <…> съгъбене имеи» [15, с. 165–166]. Особенно часты в сборнике были изобразительные пояснения: «тело бо наше есть, акы риза: да аще хранити, то търпить; аще повьржеши, то изъгниеть» [15, с. 623].

Знаменательно также, что составитель или переписчик «Изборника» некто Иоанн, завершил сборник ярким рассказом «О милостивемь Созомене» [15, с. 688–699], которому приснился рай с садами, плодами, птицами, источниками и висящей радугой, а также «мужи крылати, свьтяште ся, яко и солньце» [15, с. 691].

Судя по простоте и традиционности предметных описаний, сборник предназначался для «простецов».

Другой древнейший нравоучительный сборник с изобразительными статьями — РГБ. Троицк. собр. № 12, конца XII — начала XIII вв. [46] — содержит картинки жизни богачей и нищих, грешников и бедняков, природных катаклизмов и ада. Особенность таких картинок: они статичны, но наполнены внутренним движением. Вот, например, день из жизни богача «въ велице славе»: богатый двор, обильный обед и ужин, мягчайшая постель, всё в золоте — застывшая картина. Но богач «въ паволоцы *хожаше*»; «раби его преди текуще»; повара «*работаюче* и делающе *с потъмь*»; «*плясания* <…> *въплеве, песни*». Даже уже возлегшему на перинах богачу «друзи ему нозе *гладять* <…> по плечема *чишють*» [46, л. 3 об. – 4]. Все двигаются, оставаясь на одном месте. Таковы архаические неподвижно-подвижные картинки.

XVII в., как давно замечено, достиг до действительной изобразительности в литературе, в том числе и в сборниках. Это видно хотя бы по собранию древнерусских рукописей Н.С. Тихонравова. Уже в сборнике 1602 г. РГБ. Собр. Тихонравова. № 384 [67], составленном кем-то преимущественно из переводных «слов» древних проповедников, заметен у составителя целенаправленный отбор предметно ярких сочинений с омерзительными и страшными описаниями: бесы, смеясь, сопровождали гроб с телом богача, «яко пси, лаяху и вопияху, яко свиньи» [67, л. 397]; пьяница «питиемъ смердя и калями прогнивъ» [67, л. 417]; «страшныя звери, главы у нихъ человеческыя, а власы у нихъ до земли, и те поядят <…> чада ваши» [67, л. 56]; «потрясеся земля, и солнце померкнетъ, и луна преложится в кровь» [67, л. 66] и пр. Отчаяние составителя в Смутное время?

Сборник «слов», повестей и притч РГБ. Собр. Тихонравова. № 231, середины XVII в. [61] имеет одну интересную особенность: составитель собрал произведения, изображавшие мучительные состояния тел персонажей: «ногы по лодыжки отзябли да отпали» [61, л. 388 об.]; «на колену и на локтехъ ея, яко велбужь, в кожу оцепеневшу» [61, л. 262–262 об.]; «зубомъ искоренение, очемъ потемнение <…> кровь не согреваетъ, кашелъ» [61, л. 77–77 об.] и т. д. и т. п. Не был ли составитель сборника стариком?

Упомянутый «географический» сборник РГБ. Собр. Тихонравова. № 18, последней трети XVII в. [59] содержит мрачные картины:

описываются ад и муки грешников в нем, бесчеловечный антихрист и бесы, гибель царств и всей земли и небес. Все картины старые, но, возможно, созвучные настроениям во время всероссийского кризиса конца XVII в.

Изобразительность сборников, в том числе и постоянного состава, в XVII в. достигалась, пожалуй, в основном за счет древних памятников. Такова, к примеру, рукопись РГБ. Собр. Тихонравова. № 460, последней четверти XVII в. [69], содержащая только одно произведение, но со многими главами — «Апокалипсис» — сборник видений Иоанна Богослова со множеством раскрашенных рисунков, сопровождавших предметные символические описания устрашающих существ, «выставок» разнообразных драгоценностей, «парадов» грозных животных и картин вселенских катастроф. Все изображения были однотипны: «лице его, аки солнце; и нозе его, аки столпы огнены» [69, л. 72 об.]; или: «жена бе оболчена в порфиру и червлен, позлащена златом, и комением драгимъ, и бисером» [69, л. 126]; или: «гора велика, огнем жгома, ввержена в море» [69, л. 62 об.] и мн. др.

Сборники демонстрируют, что изобразительность была самой косной стороной древнерусской книжности; преобладала же, конечно, поучительность.

Сборники с фразеологическими перекличками

Таких сборников непостоянного состава очень мало, они появились не ранее второй половины XVII в. Один из них — сборник РГБ. Собр. Ундольского. № 632, 1660-х гг. (по датировке Б.М. Клосса) [71]. В сборнике, писанном одним почерком, содержится «Задонщина» [71, л. 169 об. – 193 об.], а в многочисленных списках различных повестей вкраплены фразеологические отголоски «Задонщины». Составитель сборника перетаскивал «кирпичики» из «Задонщины» в другие повести. Ограничимся лишь несколькими примерами. В «Задонщине»: «*и страшно, и грозно*, и жалостно *слышати* <…> а древеса тугою к земли приклонишася» [71, л. 184]. В «Повести о взятии Царьграда турками» явно вставлено составителем из «Задонщины»: «*и страшно, и грозно слышати* <…> и *падаху* с высоты <…> *древеса*» [71, л. 27]. В «Задонщине»: «*поломянные* вести» [71, л. 185]. В «Повесть о Дмитрии Басарге» перенесен этот редкий эпитет: «чадо мое *поломянное*» [71, л. 105]. Еще. В «Задонщине»: «под собою имеем <…> *на собе злаченыи доспе-*

хи» [71, л. 180–180 об.]. В «Повесть об Акире Премудром» составитель добавил: «*на себя* воскладовать *златокованныя доспехи*» [71, л. 125, то же — л. 136]. В «Задонщине»: «*соколы* и *кречаты* <…> *то ти* <…> князи» [71, л. 180 об. – 181]. В «Повести о Давиде Соломоне» составитель сборника повторил то же выражение: «ясных *соколов* и белых *кречат, то ти* <…> воевод» [71, л. 163 об.]. И мн. др. Обратного же заметного фразеологического воздействия окружающих повестей на «Задонщину» в сборнике не наблюдается.

Упомянем еще один сборник с фразеологическими перекличками между статьями, хотя он не так интересен. Это сборная рукопись конца XVII в. РГБ. Собр. Тихонравова. № 233 [62]. Составитель сборника, вероятно, заметил тематико-фразеологическое сходство произведений разного жанра в описании гонений на православную церковь и оттого связал их — анонимные «Стишки согласныи, что есть человекъ», «Вирши, или согласныи стишки о человечестемъ естестве» и «Сказание» Авраамия Палицына.

Редкость сборников подобного «фразеологического» типа объясняется редкостью подобного рода составителей, наделенных «фразеологической» памятью.

Сборники как литературные композиции

Характеристика сборников по формально-композиционному признаку не отвергает их включения в группы сборников и по признакам содержательным. Такова, например, «Книга, глаголемая Соборникъ» (РГБ. Троицк. собр. № 39, конца XIV в.) [48]. Эта сборная рукопись состоит из трех частей, писанных, соответственно, тремя разными писцами. В первой части преобладают мрачные статьи о будущих человеческих и космических катастрофах: «въсплачеться земля, аки девица красна» [48, л. 48]. Во второй части сборника преобладают статьи о мучениках и пустынниках: кого-то стали «камениемь бити я в лице» [48, л. 104 об.]; «главы же ихъ възнизааху на копища» [48, л. 112]. Третья же часть сборника полна «географическими» картинами: «възиди на гору высоки <…> како ти ся узрять пасомая стада — не аки ли мравие и мшица суще?» [48, л. 198]; но далее следуют и картины бытовые: «пьяница, аки болванъ, аки мерьтвець, валяется <…> и, домочився, смерьдить» [48, л. 231]. Все картинки традиционны. Трехчастность сборника, вероятно, объяс-

няется целью составителя собрать универсальный — на все случаи жизни — поучительный труд.

В конце XVII в. составители сборников стали использовать вирши в роли композиционного средства. Так, в сборнике-конволюте РГБ. Собр. Тихонравова. № 499 [70] выделяется шесть неравномерных статей, и каждая часть, начинаясь с поучений или справочных материалов, обязательно завершается виршами или стихотворными произведениями. Какой-либо заметной связи стихов с предшествующими статьями не наблюдается. Например, после «Службы и жития Николая Чудотворца» помещены стихи о Страшном суде и о пустыне, после «Слова» Антиоха о пьянстве — стихи о Богородице; после «Повести об Аполлонии Тирском» — стихотворные «Заповеди малцу, како должен есть господину своему работати»; после «Посольства Захария Сугорского к Максимилиану II» и справочных материалов следует стихотворная «История о Варлааме и Иоасафе» Симеона Полоцкого. Составитель сборника регулярно «разбавлял» прозаические тексты стихотворными сочинениями — то ли для выразительности композиции сборника, то ли для увлекательности чтения.

Аналогична композиция и сборной рукописи РГБ. Собр. Тихонравова. № 249, тоже конца XVII в. [63]. Но на этот раз вирши тематически связаны со своим окружением в сборнике. В частности, в нравоучительном разделе рукописи стихотворное «Слово 5 о пиянстве и о блуде» Антония Подольского перекликается с предшествующим ему анонимным прозаическим «Словом о пиянстве» и с последующим уже прозаическим словом Антония Подольского о пиянстве же. Вирши о взятии Смоленска и «Метры» царю Алексею Михайловичу входят в историческую часть сборника, посвященную рассказам о событиях 1650-х. И т. д. Виршами составитель украшал темы сборника.

Однако повествовательно-литературных сборников с более или менее продуманной композицией даже в XVII в. было не так уж много.

Сборник РГБ. Собр. Тихонравова. № 266

Для комплексной литературоведческой характеристики в качестве примера рассмотрим большой, но типичный сборник религиозного содержания РГБ. Собр. Тихонравова. № 266, 4°, 554 л. [65]. Это конволют, начало которого составляет старопечатное издание, затем приплетены рукописные материалы разных почерков. Собран был кон-

волют неизвестным лицом, вероятно, из новгородских и московских тетрадок XVII в.: сборник открывает печатная «Служба на положение ризы, еже есть хитон <…> Исуса Христа» (М., ок. 1625); к ней примыкают вперемешку три полууставные рукописи первой трети XVII в. (владельческая запись 1641 г. августа 17), а завершает сборник скорописная рукопись XVII в. Но, судя по позднему переплету, создан был конволют в XVIII в. или даже в XIX в.

Сборник совершенно ординарный: он составлен преимущественно из житий, служб, похвальных слов и поучений, а также из 3 или 4 повестей и, как видим, лишен какой-либо выразительной композиции. Ни явных риторико-фразеологических перекличек, ни особо изобразительных описаний в сборнике тоже нет.

Остается только повторение тем или мотивов. Именно это в сборнике есть: многократно и в разных вариациях с начала и до конца сборника повторяется вполне успокоительный мотив чудес, особенно мотив исцелений. Воскресают патриархи: «абие взыдоша дванадесят патриарха от гроба живи» [65, л. 339. Хождение апостола Андрея]. Воскресают разные умершие отроки: «Воскреси отрока умершаго <…> седяща, яко николи же болевша» [65, л. 365–365 об.]. Житие Варлаама Хутынского; «прилучися <…> отроку <…> от зелныхъ болезъни изнемогшу, умрети <…> и обретоша отрока жива» [65, л. 471. Житие киевского митрополита Алексея].

Происходят исцеления болящих: «обретеся нем и не могии ничто же глаголати <…> обрете себе здрава и ясно глаголюща» [65, л. 214 об., 215 об. Житие Евфимия Новгородского]; «сухая рука сама о себе всездрава абие простреся» [65, л. 283. Житие Никиты Новгородского]; «темъ миромъ помазахуся <…> абие приимаху здравие» [65, л. 30 об. Сказание о принесении ризы Христовой из Персии в Москву]. И т. д.

Святые защищены: «камениемъ Иоанна бияху, и ни единъ камень того удари, но оскачющу» [65, л. 149 об. Представление Иоанна Богослова]; «вметаша ихъ огнь <…> обретоша телеса их цела без вреда, яко ни власъ згоре имъ огньнемъ» [65, л. 443 об. Мучение Екатерины]; «ево привезати х колесам и пустити з горы <…> сниде з горы святыи ничемъ не вредимъ» [65, л. 548 об. Страсть Никиты]; «не видяше дияволъ Андрея» [65, л. 344. Хождение апостола Андрея] и пр.

Телеса умерших святых, разумеется, нетленны: «многа времена во гробе лежащее пречестно тело обретеся невредимо» [65, л. 81. Служба на обретение мощей митрополита Алексея]; «честныя твоя мощи ныне же обретошася и неразрушимы» [65, л. 84. Память Никиты Новгородского]. И др. Зато нечестивые подвергались наказаниям: «сопротивнии они <…> абие телесныма очима ослепоша» [65, л. 113 об. Служба на знамение Богородице в Новгороде]; «ослепоша вси и абие начашася сами промежи собою сечися» [65, л. 126 об. Сказание о битве новгородцев с суздальцами].

Но наиболее частым мотивом в сборнике были чудеса с предметами. Поминались не только вызывание дождя в засуху или утишение бури, но и спасительные действия икон: «чюдная же та икона <…> поднелася сама на воздухъ <…> и поиде сама о себе морем быстрее орлова летания <…> икона поднелася от воды моря и прииде на руку игумену» и т. д. [65, л. 142, 143. Слово о чуде иконы Богородицы]. Или: «под котлом ввержени быша честныя иконы <…> обретошася иконы <…> все целы» [65, л. 293 об. – 294. Слово похвальное на память Никиты Новгородского]. Или: «вси видеша луча огнены от иконы Спаса нашего» [65, л. 509 об. Сказание о победе Андрея Боголюбского над волжскими болгарами].

Чудеса происходили с самыми разными объектами: «сено много въ злато претворив чисто» [65, л. 158. Преставление Иоанна Богослова]; «абие у чюдотворьныя раки <…> свеща сама о себе возгореся» [65, л. 462 об. Житие киевского митрополита Алексия]; предназначенная для убийства мученика «пила бысть, яко воскъ, растая» [65, л. 550 об. Страсть Никиты]; у темницы «сами ся отверзошася двери» [65, л. 341 об. Хождение апостола Андрея]; «усече главу ея, абие вместо крови млеко потече» [65, л. 449. Мучение Екатерины] и мн. др. «паче естества бываемая чудеса» [65, л. 288. Слово похвальное на память Никиты Новгородского].

Слова «чудо», «чудеса», «чудесный» были одни из самых часто употребляемых слов в данном сборнике-конволюте.

На этом основании сборник РГБ, Тихонравов., № 266 вполне можно отнести к самой обширной и стандартной группе древнерусских сборников с единой тематикой. Творческий облик анонимного составителя сборника, пожалуй, не интересен с литературной точки зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1 *Азволинская И.Д.* «Повесть о семи мудрецах» (датировка древнейших русских списков XVII в.) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 255–258.

2 *Бударагин В.П.* Краткая редакция Повести о Василии Златовласом // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 193–208.

3 *Бударагин В.П.* О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли» // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 268–275.

4 *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М.: Индрик, 2006. 704 с.

5 *Нестеров И.В.* Отношения Казани и Москвы 2–3 четверти XV века в «Повести о Тимофее Владимирском» // Открытый текст: электронное периодическое издание. 11 сентября 2019 г. URL: https://opentextnn.ru/history/istochnikovedenie-history/xi-xvii/nesterov-i-v-otnoshenija-kazani-i-moskvy-2-3-chetverti-xv-veka-v-povesti-o-timofee-vladimirskom/ (дата обращения: 15.12.2022).

6 *Скрипиль М.О.* Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 8. С. 287–307.

7 *Трофимова Н.В.* К проблеме типологических связей «Повести о Тимофее Владимирском» и «Казанской истории» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 9 / Российская академия наук; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; Общество исследователей Древней Руси; отв. ред. Е.Б. Рогачевская. М.: Наследие, 1998. С. 202–208.

Источники

8 *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 229 с.

9 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (ААЭ). СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. Т. 4. 528 с.

10 *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли»: [Исследования и тексты] / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Наука, [Ленингр. отд-ние], 1965. 231 с.

11 Библия Ивана Федорова. Острог: Тип. К. Острожского, 1581. 628 л.

12 *Буланин Д.М., Матвеева Е.Н.* Тимофей Каменевич-Рвовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. [Вып. 3]: XVII в. Ч. 4: Т–Я. С. 16–25.

13 *Бычков А.Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. Ч. 1. 700 с.

14 Идейно-философское наследие Илариона Киевского / [отв. ред. А.А. Баженова]. М.: [б. и.], 1986. Ч. I: Публикация сочинений Илариона. 171 с. (Памят-

ники философско-эстетической мысли Древней Руси / Рос. акад. наук, Ин-т философии)

15 Изборник 1076 года [Тексты и исследования] / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; изд. подгот. В.С. Голышенко [и др.]; [под ред. С.И. Коткова]. М.: Наука, 1965. 1091 с.

16 *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Унив. тип., 1893. 740 с.

17 *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайнаго советника, сенатора, двора его императорскаго величества действительнаго каммергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. М.: Тип. С. Селивановского. 1825. Ч. 2. 886 с.

18 *Мещерский Н.А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, [Ленингр. отд-ние], 1958. 578 с.

19 *Мильков В.В.* Древнерусские апокрифы / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. I. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 1999. 893 с.

20 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [под ред. и с предисл. А.Н. Насонова]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 641 с.

21 Памятники Куликовского цикла / РАН. Ин-т рос. истории; [сост.: А.А. Зимин и др.]; гл. ред. Б.А. Рыбаков, ред. В.А. Кучкин. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1998. 410 с.

22 Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1862. Вып. 3: [Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А.Н. Пыпиным]. 180 с.

23 ПЛДР. М.: Худож. лит., 1980. [Вып. 2]: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. 704 с.

24 ПЛДР. М.: Худож. лит., 1984. [Вып. 6]: Конец XV — первая половина XVI века / вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. 768 с.

25 ПЛДР. М.: Худож. лит., 1988. [Вып. 10]: XVII век. Книга первая / вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. 704 с.

26 Повести о Куликовской битве: [Тексты, переводы и примеч.] / изд. подгот. М.Н. Тихомиров [и др.]; [отв. ред. М.Н. Тихомиров]. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.

27 Пролог. М.: Печатный двор, 1696. Первая половина: Сентябрь–Февраль. Кн. 1–2. 810 л.

28 Пролог. М.: Печатный двор, 1696. Вторая половина: Май–Август. Кн. 3–4. 796 л.

29 ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись / ред. Е.Ф. Карский, Б.М. Клосс, О.В. Творогов. 496 с.

30 ПСРЛ. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 938 с.
31 ПСРЛ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 4: IV. V. Новгородская и Псковская летописи. 360 с.
32 ПСРЛ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. 5: V. VI. Псковская и Софийская летописи. 275 с.
33 ПСРЛ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 6: VI. Софийские летописи. 358 с.
34 ПСРЛ. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1863. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / под ред. А.Ф. Бычкова. 504 с.
35 ПСРЛ. Пг.: [б. и.], 1922. Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. XIII с., 186 стб.
36 ПСРЛ. Пг.: 2-я гос. тип., 1921. Т. 24: Летопись по Типографскому списку. 272 с.
37 ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 463 с.
38 Русские достопамятности. М.: Унив. тип., 1815. Ч. 1 / ред. К.Ф. Калайдович. 204 с.
39 Сказания и повести о Куликовской битве: [древнерусские тексты, переводы, приложения] / изд. подгот. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 420, [2] с.
40 Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.] М.: Наука, 1975. 375 с.
41 «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: [сб. ст.] / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); ред.: Д.С. Лихачев и Л.А. Дмитриев. М.; Л.: Наука, 1966. 618, [1] с.
42 Соборное уложение. М.: Московский печатный двор, 1649. 339 л.
43 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб.: Тип. Московского ун-та, 1863. Т. 2. 461 с.
44 Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; под ред. С.И. Коткова; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1971. 754 с.
45 Хождение Богородицы по мукам. URL: mestanet.ru/book/hristianstvo/hojdenie_bogoroditsui_po_mukam book/hristianstvo/hojdenie_bogoroditsui_po_mukam (дата обращения: 12.01.2023).

Рукописи

46 ОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 12. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-12/ (дата обращения: 15.02.2023).
47 ОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 15. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-15/ (дата обращения: 15.02.2023).
48 ОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 39. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-39/ (дата обра-

щения: 15.02.2023).
49 ОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 702. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-702/ (дата обращения: 15.02.2023).
50 ОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 793. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-793/ (дата обращения: 15.02.2023).
51 ОР РГБ. Ф. 304/I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 809. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-809/ (дата обращения: 15.02.2023).
52 ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т.Ф. Большакова. № 88. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/37/f-37-88/ (дата обращения: 15.02.2023).
53 ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т.Ф. Большакова. № 325. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/37/f-37-325/ (дата обращения: 15.02.2023).
54 ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т.Ф. Большакова. № 391. Глава 190. Л. 195–201. URL: lib-fond.ru/lib-rgb/37/f37-391 (дата обращения: 15.02.2023).
55 ОР РГБ. Ф. 37. Собрание рукописных книг Т.Ф. Большакова. № 435. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/37/f-37-435/ (дата обращения: 15.02.2023).
56 ОР РГБ. Ф. 228. Собрание рукописных книг Д.В. Пискарева. № 154. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/228/f-228-154/ (дата обращения: 15.02.2023).
57 ОР РГБ. Ф. 256. Собрание рукописных книг Н.П. Румянцева. № 378. URL: lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-378 (дата обращения: 15.02.2023).
58 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 12. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-12/ (дата обращения: 15.02.2023).
59 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 18. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-18/ (дата обращения: 15.02.2023).
60 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 72. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-72/ (дата обращения: 15.02.2023).
61 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 231. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-231/ (дата обращения: 15.02.2023).
62 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 233. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-233/ (дата обращения: 15.02.2023).
63 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 249. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-249/ (дата обращения: 15.02.2023).
64 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 250. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-250/ (дата обращения: 15.02.2023).
65 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 266. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-266/ (дата обращения: 15.02.2023).
66 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 380. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-380/ (дата обращения: 15.02.2023).
67 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 384. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-384/ (дата обращения: 15.02.2023).
68 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 411. URL:

https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-411/ (дата обращения: 15.02.2023).
69 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 460. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-460/ (дата обращения: 15.02.2023).
70 ОР РГБ. Ф. 299. Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. № 499. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-499/ (дата обращения: 15.02.2023).
71 ОР РГБ. Ф. 310. Собрание рукописных книг В.М. Ундольского. № 632. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-632/ (дата обращения: 15.02.2023).

REFERENCES

1 Azvolinskaia, I.D. "'Povest' o semi mudretsakh' (datirovka drevneishikh russkikh spiskov XVII v.)" ["'Tale of the Seven Wise Men' (Dating of the Oldest Russian Lists of the 17th Century")]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 36. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 255–258. (In Russian)
2 Budaragin, V.P. "Kratkaia redaktsiia Povesti o Vasilii Zlatovlasom" ["Brief Edition of the Tale of Vasily Zlatovlas"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 36. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 193–208. (In Russian)
3 Budaragin, V.P. "O proiskhozhdenii 'Povesti o Vasilii Zlatovlasom, koroleviche Cheshskoi zemli'." ["On the Origin of the 'Tale of Vasily Zlatovlas, King of the Czech Land'."]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 25. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 268–275. (In Russian)
4 Litvina, A.F., and F.B. Uspenskii. *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XII vv.* [*Choice of a Name among Russian Princes in the 10th–12th Centuries*] Moscow, Indrik Publ., 2006. 704 p. (In Russian)
5 Nesterov, I.V. "Otnosheniia Kazani i Moskvy 2–3 chetverti XV veka v 'Povesti o Timofee Vladimirskom'." ["Relations between Kazan and Moscow in the 2nd–3rd Quarter of the 15th Century in the 'Tale of Timothy of Vladimir'."]. *Otkrytyi tekst: elektronnoe periodicheskoe izdanie. 11 sentiabria 2019 g.* [*Open text: Electronic Periodical. September 11, 2019*]. Available at: https://opentextnn.ru/history/istochnikovedenie-history/xi-xvii/nesterov-i-v-otnoshenija-kazani-i-moskvy-2-3-chetverti-xv-veka-v-povesti-o-timofee-vladimirskom/ (Accessed 15 December 2022) (In Russian)
6 Skripil', M.O. "Povest' o Timofee Vladimirskom" ["The Tale of Timothy of Vladimir"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 8. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, pp. 287–307. (In Russian)
7 Trofimova, N.V. "K probleme tipologicheskikh sviazei 'Povesti o Timofee Vladimirskom' i 'Kazanskoi istorii'." ["To the Problem of Typological Connections between the 'Tale of Timothy of Vladimir' and 'Kazan History'."]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 9. IWL

RAS; Society of Researches of Old Rus'; ed. E.B. Rogachevskaia. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 202–208. (In Russian)

***

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

Information about the author: Anatoly S. Demin, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: anatolydemin@gmail.com

***

Для цитирования: *Демин А.С.* Серия наблюдений над литературными памятниками XI – начала XVIII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 151–217. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-151-217

© 2023, А.С. Демин

For citation: Demin, A.S. "Issues on Old Russian Literary Monuments of the 11th – the Beginning of the 18th Centuries." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 151–217. (In Russian) https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-151-217

© 2023, Anatoly S. Demin